

Альберт Фейгельсон

ДОЛИНА ДЕСТИНО

иллюстрации
Татьяны Михайловой

Альберт Фейгельсон

Долина Дестино

«Accent Graphics communications»

2014

Фейгельсон А.

Долина Дестино / А. Фейгельсон — «Accent Graphics communications», 2014

«Клянусь Богом, Бога нет», – заявляет тот, кто ближе всего к нему. Узнав себя настоящего, герой становится вечным скитальцем в мире созданном им самим. Играя чужими судьбами, он попадает в ловушку. Чтобы вырваться из неё, нужна энергия, и он её находит – это любовь. Остаётся только сделать выбор: стать ещё ближе к всевышнему, или отречься от него навсегда...

© Фейгельсон А., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Как всё начиналось	6
Предисловие	24
Первая глава	25
Первая глава – отражение	30
Вторая глава	34
1973 от начала рукописей, 5013 от нашего появления на этой планете 14 дней после начала описания проекта	34
1973 от начала рукописей, 5013 от нашего, появления на этой планете 18 дней после начала описания проекта	43
Третья глава	49
1923 от начала рукописей (за 50 лет до основных событий), 4963 от нашего появления на этой планете начало лета	49
Четвёртая глава	54
1933 от начала рукописей(40 лет до основных событий), 5973 от нашего появления на этой планете Конец лета	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Альберт Фейгельсон

Долина Дестино

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Книга посвящается моей жене Алине, и главному герою – магу Анилу.

Когда я первый раз увидел «Дестино» меня поразили не звуки и не краски, которые использовали одни из великих людей преданных искусству, больше, чем самой жизни, а то, что Дали и Дисней доказали и воплотили идею перевоплощения звуков в краски и использования палитры для рисования нот. Тот же самый восторг у меня произошёл, когда я первый раз прикоснулся к картинам Татьяны Михайловой. Именно прикоснулся. Слово увиденный здесь никак не может передать те чувства и глубину, созданную Татьяной в своих работах. Для меня её работы – это «Дестино», появившейся в 21 веке, только не хватало семи нот. Когда я включил просто интуитивно музыку, Ивана Соласа, то понял, на сколько они гармоничны друг с другом. С первой минуты краски Татьяны начали дополнять любую ноту, перевоплощённую из музыки в палитру. Давняя мечта предать любому звуку краски осуществилась и живёт сегодня в картинах Татьяны. Мне лишь оставалось выложить на бумагу все идеи, рождённые при помощи мольберта и арфы. Так родилась идея создания страны, где люди живут при помощи энергии музыки и думают как возродить мир красок, что не менее прекрасен. Поглощённый идеей о создании страны, где необычным способом был сплетён не просто рассказ о музыке, а что-то большее, необъяснимое, и где-то сказочное, отданное в руки реальности. Я провёл год вместе с этими людьми! В книге в конце появляется сказка, созданная при помощи картин Эльги Поповой. Другого слова здесь быть не может как созданный, они появились задолго до самой сказки. Я просто распределил их во времени, и при помощи букв положил нарисованный сюжет на бумагу.

Я на каком-то этапе работы над книгой словил себя на мысли, что сюжет уже есть и сыгран, его только нужно отдать 33 верным слугам, которые в ту же минуту готовы воплотить любую мечту или сон в реальность! Знаете, в чём прелесть заката для художника: он может в него дополнить всегда восход и заранее по лучику солнца в ночи дарить свет. Так же и моё слово, найдя другую силу ожило при помощи этих людей. Тем и прекрасно оно в руках писателя, живя по правилам хозяина, который ею владеет!

Для тех кто готов по настоящему погрузиться в мир Долины Дестино рекомендую музыку Ивана Соласа специально написанную для этой книги – Альбом «Elven Forest»

Как всё начиналось

Человек не меняется, а проявляется в ситуации.

Что вы слышите, когда смотрите на эту картину?

Этот вопрос я обычно задавал детям на первом уроке, в нашей академии. Но, как присуще любым малышам, они вместо ответа начинали сами спрашивать. Как может звучать то, у чего нет инструмента? Откуда может излучаться звук, если нет отверстия?

Как можно услышать его, если это нарисовано? Кто нарисовал эту картину, а кто музыку? Почему она такая высокая, и что вообще за цветы на ней? Кто, когда и почему, слетая с их губ музыкальным ключом, пытались приоткрыть дверь в будущее. Эти простые вопросы порождали целые легенды и двигали их внутренний мир в ещё большую неизвестность, где уже и начинала рождаться музыка, несущая в себе так нужную в нашей долине энергию для жизни. Я не любил это слово урок, я старался создать ощущение никогда не заканчивающегося путешествия. **Как зачастую, срывая плод с дерева, мы не задумываемся, кто посадил его,** так же и мои путешествия на уроках в мир музыки, давали ответ на главный вопрос – «Какая

она?», а вот творец, создавший её, – это уже было второстепенно. Нет, нет, не подумайте, что мы не ценили и не чтили наших мастеров. Наоборот, мы слишком уважали любого, кто мог творить, чтобы разрешить даже нашим детям путать их. Сначала они учились просто слушать, потом про каждого великого создателя они учили всё до мельчайших подробностей, познавая его доступный для нас внутренний мир, и только потом, они сами пытались понять кому, что принадлежит. Я сегодня могу с уверенностью сказать: каждая мелодия несёт в себе часть его творца, как звук падающего листа в лесу содержит в себе музыку своего дерева.

Любой, даже ещё начинающий творить, может сказать: я строю – значит, я прав. Сознание своей правоты зачастую нам дороже всего в жизни, и сколько мы теряем, отстаивая её, даже не задумываясь. Да и, что потом имеем нам трудно понять.

Мои путешествия были посвящены поиску дорог, где можно пройти в мир фантазий и вечного наслаждения от идеальной мелодии. Её ещё не существовало в детской душе. Но поиск давал надежду-являющуюся проводником во взрослую жизнь. Мы пытались вместе с моими подопечными научиться отключать логику и отдаваться внутренним чувствам. Доверяя им, мы приобретаем возможность подобрать ключик к воротам безграничного мира искусства. Мыслить чувствами значит непрерывно удивляться – вот в чём главный секрет настоящего создателя.

– Всё, хватит мечтать. Вставай, тебя ждут твои ученики. Прокормановал я сам себе, пытаюсь украсть у утра ещё пару минут наслаждения. – Сегодня ровно год, как я здесь работаю учителем, в долине Дестино, ведя двойную жизнь. Утром преподаю, вечером путешествую в других мирах по разрешению сверху. С этими мыслями, приоткрыв глаза, пытаюсь в темноте рассмотреть, где я, или найти хоть что-нибудь, говорящее о приближающемся утре, двигая веками вверх, вниз, пробую разогнать тьму и поймать хоть один лучик света – я стал пытаться встать. Но пока, кроме плотной стены из чёрного полотна, ничего не меняется передо мной. Я стал думать: – «Погибнуть не могу и умереть тоже (как не странно это звучит, но это так)». Хотя именно этого и ищу в своих рандеву, приобретая там статус обычного странника. Ну, уж если я уцелел в очередной раз, то стоит, может быть, остановиться и ещё раз всё продумать. По крайней мере, к такому решению призывала логика. Это ужасное слово логика, лишённое изначально всяких чувств и переживаний, завладела не только телом и разумом, но и душой. После того, что произошло год назад в долине Дестино, мне лично запретили пользоваться чувствами, и это привело к поиску миров, где я бы смог затеряться навсегда. Тот, кто был со мной с первого дня там – ушёл, не оставив никаких следов, кроме вопросов. Наступая на них, можно было получать только новые. Прошу прощения! Не представился, зовут меня Берг. Маг, высшей категории «Аль» (к коим отношусь после окончания Академии). Для таких, как я, отводилась специальная миссия – создания параллельных миров. Строя и экспериментируя с ними, мы приближались к формированию идеальной планеты для двоих, и эта пара должна была быть награждена целым набором чувств, что мы для них постепенно и подбирали. К сожалению, мы сами лишены возможности как любить, так и ненавидеть – это прерогатива людей, но зато проявление остальных «человеческих» эмоций нам вовсе не чуждо. Так было решено сверху и естественно никогда не обсуждалось. Хотя один из нас смог доказать, что и нам это не чуждо, и для более продуктивной работы даже не помешает, но об этом ниже. Всею своё время.

Ну, вот и представился, пора вставать и начинать свой обычный день. Но как начать? Мне бы сейчас сюда моего куратора по первой самостоятельной работе Анила. Уверен, этот вопрос даже не стоял бы на повестке дня. Но я – это не он, и как он мне не стать. К сожалению даже не приблизился. Похоже, застрял здесь надолго и у меня будет время не только прижаться всем воспоминаниям во вселенной, но и поделиться с вами частью из них. Не важно, с чего начинать рассказывать, нельзя только забывать, что есть кульминация, развязка и конфликт.

Даже их последовательность не имеет существенной роли, главное – чтобы они были, и вы их, мой слушатель, смогли отличить друг от друга.

Мои мысли прервал стук в дверь. Вообще за год, что я нахожусь здесь, мой порог никто не переступал. Я специально отдался одиночеству. Постоянно поддерживая его, пытался убедить, как заблудившийся странник свой костёр от любого ветра, что может его затушить. Это не отменяло надобности думать о себе или говорить с кем-нибудь, и я выбрал тишину своим слушателем для моих лекций о прошлом, устраивавшая меня на сегодня полностью. Посмотрев на развешанные по стенам рисунки моих подопечных, и поняв, что на уборку у меня нет времени, решил открыть дверь.

Но я даже не успел встать, чтобы это сделать, как моя защёлка сама соскочила с места, и на пороге появился Высший Посланник. Самое тяжёлое – это было определить, сколько ему лет. Узкая талия была подчеркнута туго стянутым поясом, в продолжении было длинное сухое тело, заканчивающееся как пальма широкими плоскими плечами. Лицо похожее больше на луну, покоилось на длинной шее; тёмно-серое, слегка песочное лицо, и с глубокими морщинами щёки, говорили о человеке, проводящем много времени под солнцем. Но светло-зелёные глаза достаточно большие и слишком выпирающие вперёд, будто хотят всмотреться вдаль или просто расстаться со своим хозяином, плохо гармонировали с этим высушенным телом. Всё это покоилось под длинными и тонкими бровями, сходящимися на переносице и дающие продолжение маленькому расплюсченному носу, что придавало ещё большую комичность его лицу. Губы были настолько тонкие, что издали были больше похожи на маленькую полоску, разделяющую длинный подбородок от носа. Всё это вместе мне кого-то напоминало. Но кого? Точно, какое-то животное или насекомое. Но, вот какое именно, не могу понять? Всё больше погружаясь в изучение лица своего гостя, я всё дальше становился от самого него. На какое-то мгновение все движения на его лице остановились, он будто замер, прекратил двигаться, чего-то выжидая. – Точно, он напоминал птицу. Но обязательно она должна быть глупая. Уметь летать, клевать, в клюве что ни будь носить и спать. Так же и посланники, делали тоже самое, только ещё читать умели.

Каждый из нас был всегда готов принять человека сверху, потому что Главный Маг никогда к нам не спускался. Среди нас ходили слухи, что его вообще и не было. Это игра группы заинтересованных магов в этом. Но у домислов, есть один минус, они всегда останутся ими,

если не добыть факты. А их не было. Посланник, – единственный кто нас связывал с ним, и если он спустился в такое пекло ко мне, – дело срочное, – думал я.

– Но откуда вы могли знать, что я никуда не пойду или вообще успею вернуться с очередного путешествия? Вместо приветствия произнёс я.

– Откуда я знаю, что за тем как прячется луна, сразу восходит солнце. Так же и с тобой Берт. Мне не приходилось встречаться с ним с тех пор, как я окончил Академию магии. Тогда он вручал нам Медальон Принадлежности. Посланники, в отличие от нас, магов, даже эмоциями не обладают. Их предназначение – совершенно выполнять волю свыше, и делают они это настолько беспристрастно, что ни одна из жертв, равно как и спасённая ими сущность, не может упрекнуть посланников в какой-либо личной заинтересованности. А секрет в том, что обладая неограниченными возможностями Вселенной, посланники начисто лишены возможности выбора. Пытаясь по его лицу что-либо прочесть, кроме вопросительных знаков, для себя я ничего не увидел. Он тихо ходил по комнате, подходя к каждому рисунку, задерживался на какое-то время и продолжал свой обход.

– Долина Дестино? Спросил он тихо, держа в руках очередную работу моих учеников.

– Да.

– Вам это сейчас может очень сильно помочь. У меня сейчас родилась, очень интересная идея, пока всё это рассматривал.

– Они хотят дать мне новое задание, а долину закрыть, – пробежала мысль в голове. Меня вообще не трогали последнее время, хотя я был участником самого великого эксперимента, когда-либо проходившего в этом участке вселенной. Долина Симфоний была создана Анилом, а мне, как одному из лучших учеников Академии Высшей Магии, выпала честь помогать самому маэстро. Он был избранным в нашей «Долине магов» и создавал самые восхитительные миры. Ходили слухи, что он вообще не учился в академии. Все его познания были из книг и плюс невероятный дар предвидеть. Он имел доступ к библиотеке с закрытым архивом, а заведующий закрывал глаза на ночные посещения его. Этим он и пользовался.

Как шутил про себя Анил: – «Какая разница, стою я или сижу, всё равно, выше крыши». Вообще он любил шутить, смеяться, но главное, всё происходящее вокруг он принимал с юмором. Зачастую даже было тяжело понять, он говорит серьёзно или нет. Мне честно, взяло много времени вообще привыкнуть к его форме общения. Но не смотря на это, он умел уважать людей, с которыми работал или просто сталкивался в дороге. Я помню, меня пару раз Анил одёргивал и отчитывал за мою природную заносчивость и желание показать, насколько я владею знаниями. Кто-бы не был его собеседник, он всегда старался показать человеку его значимость и придать ему силы во время разговора. Уважение и какая-то внутренняя любовь ко всем руководила этим человеком. Меня ни разу учитель не отчитывал при других, хотя вначале было за что. Это происходило всегда один на один. Его взгляд я не забуду никогда. Глаза были прозрачно-голубые, но были моменты, они становились зелёными. Они были большие и глубоко посаженные, а длинные ресницы вообще им придавали вид самостоятельных единиц на лице. Глаза заканчивались прямо около острых верхних скул, формирующие чёткий треугольник его лица. Вообще всё в его лице настолько гармонировало, что если бы я был художник, уверен, лучший портрет нарисовал бы с него. Представьте себе, кожа даже под палящим солнцем, всегда сохраняла свою белизну. Распущенные волосы ниже плеч придавали его лицу определённую загадочность и в то же самое время они своей чернотой придавали контраст его коже. Большой прямой нос был продолжением широкого лба. Что меня всегда удивляло, – ни одной морщинки, даже под глазами. Это придавало даже какую-то неестественность его лицу. Один раз, я его спросил – «Каким кремом надо пользоваться, чтобы кожа была такой гладкой?». Смех – зовут этот крем, улыбаясь, ответил он. Улыбка всегда была на его лице. Она только становилась больше или меньше. Она исчезала с лица, только тогда, когда он начинал

сильно переживать, но не за себя. Одно его немного портило, – это большие оттопыренные уши, но распуская волосы, он умело скрывал это. Вот такой был мой лучший учитель.

Во время учёбы я старался быть всегда впереди всех, а на первом задании понял, – «мои знания ничего не стоят, пока не наберёшься опыта». Построенная нами долина на семи нотах отличалась от всех остальных не только названием, но и наполненностью. Мы вместе с моим учителем Анилом создали мир, управляемый музыкой и где основной целью был поиск границ внутреннего мира в себе. Сегодня я понимаю, что он безграничен. Мы хотели создать свет, который смог бы ослепить нас самих. Или пытались найти камень, что не смогли бы поднять. Но это я говорю сегодня, тогда мы были уверены в обратном.

– О! Я не успел переодеться, – пронеслось в моей голове. Встречаю высокого гостя в одних штанах. – Чем могу быть полезен? – задал я ещё один глупый вопрос, – протягивая гостю стакан холодной воды. В отличие от людей, обитатели нашего мира при встрече не здороваются. В том смысле, что не желают друг другу здоровья, – это бесполезно, поскольку мы не болеем. Мне же, кроме этого, нечего было ему предложить.

Посланник всем видом дал мне понять, что разговор будет короткий, и для меня вряд ли приятный. Лицо-луна покачнулось из стороны в сторону и остановилось посередине, подкрепляя мои сомнения по поводу будущего разговора.

– Есть решение о передаче Вам особого задания. Реставрация свитка. Гость сделал паузу и добавил. – Это ваш Свиток. Вам известно, что часть его утеряна, она сгорела при пожаре, или... или его пытались сжечь? Громко, печатая каждое слово, закончил он.

– Вы помните главный принцип реставрации, продолжил посланник, не дожидаясь ответа. – Мы не будем закрывать сейчас долину Дестино. Наоборот, мы вам её оставляем. Может быть в будущем, вы сможете вернуться наверх, и управлять, как вам захочется. Для этого вы должны прочитать всё заново, пока не дописывать главы, а кратко объяснить около каждой, что там не хватает, и потом мы вместе решим, что и как реставрировать. Моя идея была – это ваши картинки, просто подставьте в нужные главы. Будет красиво. – Да, пока не забыл. Главу с отражением, хотя бы одну, как пример закончите. Там вообще ничего не сохранилось – уж больно интересно, как это всё должно было выглядеть только наоборот.

– Да, конечно. При воссоздании свитка ничего нельзя изменить. Все должно быть точно повторено, в малейшей точности так, как создавалось в оригинале – теми же материалами и теми же формулами. Ответил я, продолжив думать про себя. – Это и есть, самое трудное. Одно дело, когда реставрируешь чей-то чужой мир: всегда манит луч исследования, интуиции, творчества. А другое дело, – твоё собственное творение и тебе изначально все известно. Я сейчас с ужасом думал о том, что мне придётся пройти по своим же следам – во многом ошибочным, невзвешенным, сделанным зачастую в порыве юношеских эмоций. Но, моим. Заранее известным только мне, а это как выпить стакан с ядом вперемешку с противоядием, не зная, что сработает первым. – Мне придётся повторять всё заново, заведомо предполагая, к чему это может привести. Пытаясь нарушить молчание, произнёс вслух свои мысли. – Если вас правильно понял, я должен к каждой главе дать краткое описание. Дописать чего не хватает, но пока не реставрировать до конца?

Его голова кивнула в такт, словно говоря: – Да. Продолжая смотреть на меня бесстрастно и в то же самое время безразлично, показывая всем своим видом – «У тебя нет выбора, ты сегодня знаешь больше, чем должен». Разбавлять свою тишину он не стал, а протянул мне ладонь в чёрной перчатке, где тут же появился рулон пергамента действительно обгоревший. – Узнаешь?

– Да! – быстро ответил я. – Скорее даже, не столько узнав свиток, сколько почувствовав его всем телом. Это была музыкальная долина, мой первый самостоятельный эксперимент, первое настоящее Творение. Могу сказать с гордостью: задумки некоторых будущих миров и героев тоже родились при воплощении этого – самого первого проекта: детская страна М, мир

Красок, Маг Запахов и Каменная долина... Все эти миры и идеи должны были принести мне славу самого удачного экспериментатора. Тут меня захлестнула волна ностальгии.

– Проблема даже не в том, что свиток наполовину сгорел, – продолжал посланник, – или Анил сделал так? Он посмотрел на меня, будто меня здесь не было, и продолжил. – Это неизвестно и в нашем случае не играет роли. Добавил он и замолчал опять.

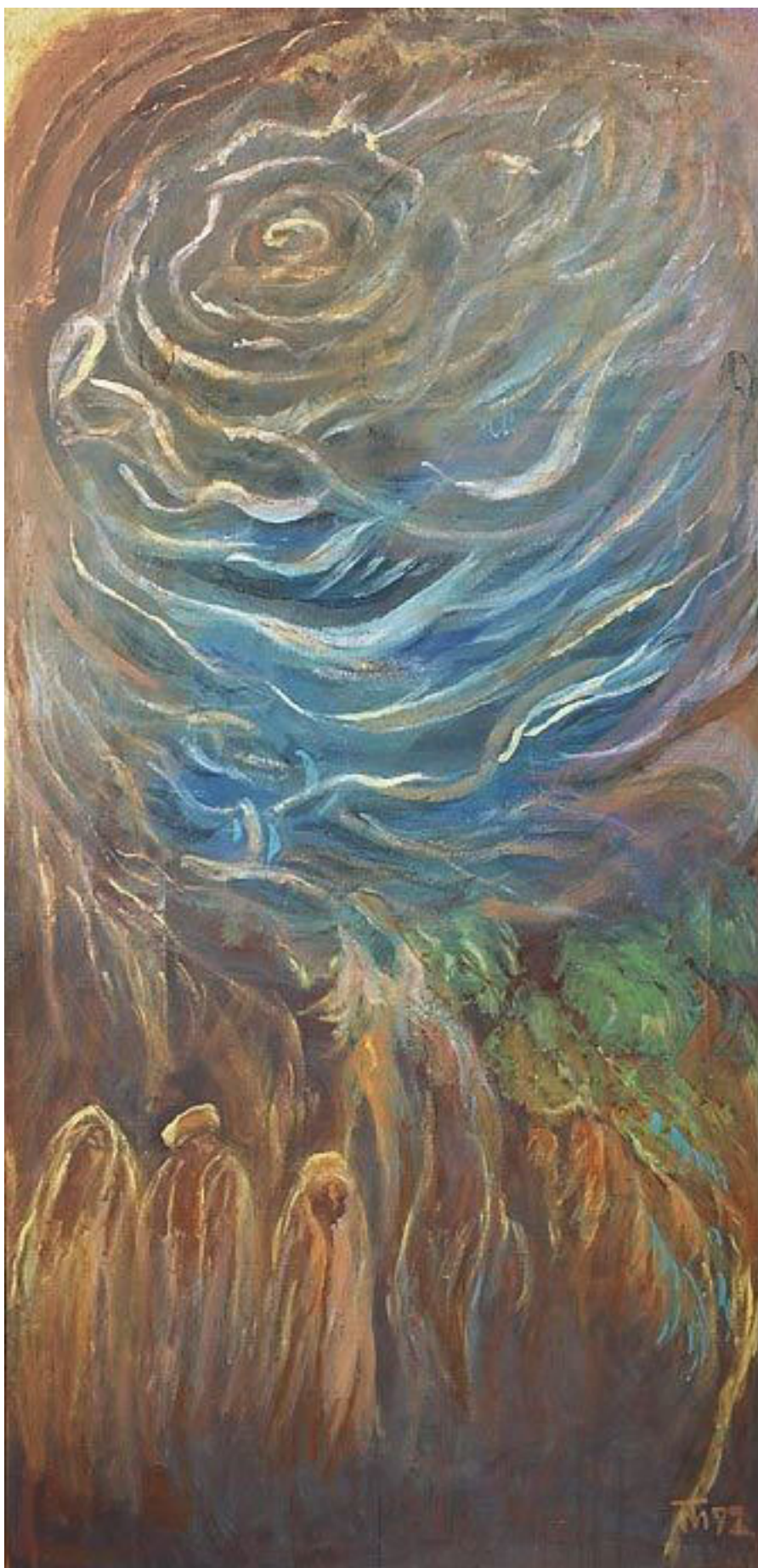
– Вы, правы. Произнеся это, я присел на стул, давая всем своим видом согласия против своей воли. Хотя бы с удовольствием поставил бы вопросительный знак в конце моих слов. Набрав в лёгкие воздуха, словно я сейчас пытался погрузиться под воду на год, выпалил как из пушки. – Тогда-Да. И замолчал, думая куда можно, прикрепить моё да.

– Прежде, чем я перейду с вами к главному, скажите, вы здесь за год никого не полюбили, не привязались и не прониклись ни к кому с симпатией, надеюсь.

– Нет, а что, надо было совсем очеловечиться? Я опять попробовал для себя понять, кого он мне напоминает. Вместо ответа я услышал смех, больше напоминающий хрип или скрип. Глаза его выражали больше озабоченность, но не тем, что происходило вокруг, а самим фактом, что вообще, он здесь. На мгновение мне показалось, что он задумался. Но как можно придаться этому процессу, если тебя ничего не может затронуть. Улыбка и задумчивость рисовали у него на лице одну, и ту же гримасу, делая полукруглое лицо каменным, а глаза более выпученными, отображая внутри всю скорбь, замешанную на радости, подчёркивая полное безразличие. Пытаясь надуть свои полоски-губки, он увеличивал щёки, придавая лицу ещё большую схожесть, с каким то животным. Но с кем именно, я пока не мог понять. Его голос прервал мои тихие издевательства над ним. Судя по его ответу, я понял, что он меня не слушал вообще. Он спустился сюда выполнить задание и вернуться наверх.

– Мы хотели произвести отражение долины со свитка и обнаружили, что кто-то в нём продолжает дописывать сюжет. – Посмотрите! – этих мыслей не было вовсе, когда вы передавали нам это! Не дождавшись от меня ответа, или вообще хоть какой-либо реакции, он развернул обгоревший свиток и начал читать вслух: – «Вокруг музыкальной долины лежит огромное количество земель, связанных с ней и не ведающих, что она есть. Это обязывает меня быть более осторожным, и в тоже время, я понимаю, что повествование должно быть наполнено конкретными фактами, чтобы в него поверили.

Для огромного большинства странников разговоры о собственном будущем соблазнительны. В них просвечивается мироощущение и идея стремления человека совершенствоваться при помощи мелодии. Между тем, только в мире, что мы создаём сейчас, мелодия – это орудие и средство, как молоток в руках каменщика. При помощи него глыба может приобрести незабываемые очертания или навеки остаться ещё одним камнем». – Я читаю понятно, не быстро для вас. Не дождавшись в очередной раз ответа он продолжил стучать по раскалённому воздуху при помощи слов со свитка.

«Подниматься наверх и стремиться к совершенству, а не существовать – высшее предназначение любого из нас. Настоящее познание истинны, – это возможность обогащаться за счёт себя самого. Когда в душе человека яркий свет начинает тускнеть – это значит, что действительность усмехается над ним, потому что знает более убедительную формулу процветания. Её, в конце концов, мы создадим и исполним. Только с чьих уст она сойдёт, и кто будет её автором? Это нам предстоит решить вместе или мне одному».

– Я закончил, и от себя добавлю. Произнёс посланник своим надменным голосом. – Это не Вы. Так написать мог только Анил. Не обижайтесь, вам тоже это известно. Но это ваш свиток. Как это случилось? С этими словами, он вручил мне рукопись, или точнее, затиснул мне в руку. Мои пальцы прикоснулись к мягкой обложке переплёта и ощутили источник тепла. Почувствовав пыль, успевшую не только впитаться между каждой ворсинкой замша, но и нарисовать незатейливый рисунок на серебряной бляшке, прикреплённой при помощи шёлкового ремня, я нерешительно открыл первую страницу.

– Сразу после исчезновения Анила, лично мной были переданы свитки наверх и вы их опечатали, – ответил посланнику, я придался воспоминаниям, полученным в виде письма из прошлого, где они были все прописаны между строчек. Читая их, всё больше погружался в мир прошлого, где мне так было когда-то хорошо. Как любой первый самостоятельный шаг, он забрал у меня невероятное количество сил и энергии. Я почти не отдыхал, не ел, не путешествовал среди людей, а без устали отдавался этому проекту. Фонтанировал без устали, выдавая один за другим новые витки сюжета. Поистине, это была эйфория творчества. Меня радовало, что Анил практически не останавливал меня, только умело корректировал всё это и тщательно записывал. Вообще его умение писать приводило меня постоянно в восторг. Это были чудесные строки. Особенно хорошо удались образы каждого персонажа. Анил мне часто повторял: «Научись смотреть за горизонт, иначе на всю жизнь останешься на берегу». Мне удалось создать несколько настоящих личностей, настолько многогранных и цельных, что по-прежнему считаю их лучшими. Мы, маги, вообще не знаем, как свитки используются потом. Почему от нас требуют такой детальной точности в описании? Догадываюсь, конечно, что наши эксперименты и выводы, каким-то образом, хотели использовать в идеальном мире людей. Но, конкретики в мои догадки никто никогда не добавлял. На фоне моих мыслей, звучал его голос, переплетаясь с моим внутренним, вырисовывая общую картину.

– Этот свиток можно было спалить дотла. Уничтожить каждую страницу. Превратить в пепел букву за буквой. Разорвать обложку, назвать по-другому, перепутать строчки и главы. Чтобы с ним не случилось, смысл свитка останется тем же. Тем же Берт (повторяя ранее сказанное, он пытался укрепить своё мнение, хотя в моём случае этого не надо было делать). Не важно, как мы его читаем, с начала в конец или наоборот. Это звучало как приговор. – Вы слышите меня? Вижу, что вы не со мной юный Маг, – посланник, взял меня за руку. – Тогда, прочтите сами. Не надо всё. Хотя бы до того момента, где в кульминации раскрывается сущность главной героини... – А потом? Вы хотите спросить, что будет потом? Потом мы поговорим... У него в руках я увидел ещё один свиток, но без печати. Судя по тому, как он выглядел, его не раз уже открывали.

– С этими словами он вручил мне второй свиток и указал пальцем в его начало. – Берт, это ещё не всё... Вы готовы?

– Да. Подтвердил я, пытаясь скрыть свою досаду, посадив на лицо улыбку, больше подходящую на хмылку.

– Я допишу сгоревшие главы, я же их создал. Главный участник этих событий – я. Мне не помешает, что огонь забрал часть свитка и страницы во многих местах слиплись, – громко выдохнув, прочитав это, он замер, напомним мне животное. Это было точно, какое-то живот-

ное, потому что с человеком его ничего не роднило кроме одежды, подпоясанной в талии и умением говорить. Но и попугай тоже говорил. Посланник не стремился удовлетворить моё любопытство. Он невозмутимо кивнул и исчез также быстро, как и появился. Оставив меня, один на один со своим давно ушедшим прошлым. Где он только что стоял, лежал маленький листок, скрученный в трубочку. Подняв его и открыв, я начал читать:

1. С утра посетить долину Дестино, найти там до начала уроков Берта.
2. Объяснить ему, почему мы не закрываем его проект пока.
3. Передать ему свитки и чётко инструктировать, что на этом этапе от него требуется.

А он должен:

А) Всё перечитать, и по ходу проверить, соответствуют ли даты действительным. Если нет, то исправить.

Меня это, если честно, немного рассмешило, где я и где даты. Вообще с цифрами не дружу. Это у нас Анил был человек-календарь, только записывай за ним, и листочки с прошедшим подбирай.

Б) Дать свои рекомендации к каждой главе (не надо их дописывать). – Ну, рекомендации не дам, а вот что думаю, напишу. Связывать сами, потом будете, господа Маги. Хватит, один раз дописался и друга потерял. Ну, что там дальше этот пернатый себе выписал, чтобы не забыть?

В) Вычитать ему заготовленные заранее места (чтобы он понял, что мы имеем в виду)

Г) Не мешать, когда он будет вспоминать своего учителя Анила. – Не совсем дурак, просто глуп из-за должности и по рангу, наверное – это предполагается.

Д) Запустить его мысли в прошлое, чтобы он конкретно смог сконцентрироваться на задании.

Е) Вернуться к утренней поверке наверх.

– На самом деле глупая птица. Умеет клевать и летать. Только какой породы, вот это вопрос? Произнеся это вслух (я же уже остался один), развернув свиток, начал бегать глазами по знакомым строкам, опережая каждое произнесённое слово вслух, минимум на одно предложение. Я читал и пытался понять, что стоит за визитом посланника? Очередная интрига? Или кому-то надо, чтобы я вместо Своего первого учителя, прошёл тот же самый путь, подведя кого-то к той двери, что откроет путь к множеству других миров, созданных нами при помощи семи верных слуг, семи нот. Чья сила и энергия по-прежнему (а мы это доказали в долине Дестино), не подвластна ни кому. Но тогда я предам Анила, это же было лично его. «Всегда в этой жизни кого то мы придаём» – это были его слова, они всплыли как подсказка на экзамене. Теперь меня проверяла жизнь, а она самый беспристрастный экзаменатор.

– Что от меня хотели, я мог только догадываться и строить свои планы на будущее, но его мне отсекали, погружая меня в прошлое о нём и мой рассказ.

...

Для этого я опять перепрыгну и расскажу ещё кое-что. Время у нас есть и на урок я уже опоздал точно. Мне уже, наверное, нашли замену, или вообще отпустили детей домой. У любой истории есть предыстория, как у реки устье. Только вот не каждый готов её открыть. Мне лучше сейчас пробежаться по прошлому, что лежало у порога Долины Дестино, чем потом посреди рассказа пытаться его искажённым восстанавливать.

Человек может спрятать любой свой порок. Научиться быть послушным. Стать терпимым по отношению к тем, кого хочешь просто убить. Но ты никогда не сможешь отказаться от простого желания путешествовать и идти на любой риск ради этого, если у тебя это в крови. Таким был Анил, для него жить в дороге и искать приключения, было жизненно необходимым, без этого он через два дня даже казалось, становился меньше ростом и прекращал вообще есть. После возвращения с каких-нибудь новых миров, где утром могли просто погибнуть,

он говорил – «Не то, совсем не то». Одним из правил, установленных сверху, было: если мы решаемся сами участвовать в эксперименте, то мы становимся их участниками до конца. Мы могли и заболеть, и погибнуть, как любой зверь в нашем лесу или король в своём королевстве.

Но всё по порядку, время у меня есть, а бумагу оно вообще не интересует. Белый лист – самый лучший собеседник и самый терпеливый, чтобы ты на нём не написал, всё стерпит и самое лучшее то, что промолчит.

Нас всех мучал один вопрос: – что происходит с людьми после того как они знакомятся со смертью. Куда уходит их душа, нас интересовало меньше всего. С ней всё было проще и понятней. У нас целый отдел занимался созданием всяких миров таких. Говорят, что его должны были расформировать, потому что они практически создали идеальных два места. Где себе находят применения их мысли и мечты? Они же не могут исчезнуть без следа? Ведь они живые и в них не меньше энергии, чем в теле, если не больше. «Чего мы стоим без наших грёз» – любил повторять Анил. Он себе мог позволить создавать любые, дотягиваясь до них, управлять ими, и возвращаться в реальность. А вот людям в наших мирах это было практически недостижимо. Тем, кому это при жизни удавалось, называли их – «Познавшие полное счастье». Их было мало, но были.

Мы спорили, чтобы найти истину, не найдя её, пытались экспериментировать. Один из таких вопросов, так и остался им. Это – стоит ли людям подарить духов. Нужны ли были они вообще в том идеальном мире, что мы пытались создать. Ведь это всего лишь персонаж, рождённый в нашем воображении, сила фантазии и внутреннее желание увидеть того, кто ушёл навсегда, приводили его в мир реальный. Проблема была в том, что многие верили в их непосредственное существование, этим кладя свои выдумки с реальностью в одну корзину истинных ощущений. Это создавало ряд неудобств, при формировании плана развития любого мира. Все эти шероховатости приводили к созданию очередной религии там внизу, которая поглощая любого, делая его своим рабом. Мы выборочно потом над ними долго смеялись или восхищались человеческой фантазией.

Так в долгих спорах у костра или за обеденным столом, мы пытались найти ответ на этот вопрос и также на массу других, возникающих у нас во время нашей работы. Мы были практически готовы к запуску своего идеального мира. Открывая его, мы уже не могли вмешиваться ни во что. Наша участь была созерцать, и если бы были допущены ошибки, то нам только бы осталось согласиться с этим, признав свою неполноценность. Это всех останавливало, все старались отодвинуть запуск этого мира, пытаясь найти новые причины для этого. Может быть, главной ошибкой было то, что мы пытались создать именно идеальный мир. Подарить свету то, чего не было. Добавить в солнечный луч больше яркости, в ночи больше тьмы, а самому человеку больше человечности. «Зачем?» – всегда по дороге в наше жилище спрашивал меня Анил. «Может быть, они этого не достойны, а может быть им это просто не надо?» – уже обычно переходя на разговор с самим собой, говорил мой учитель. Обычно расставаясь около моего дома, он мне говорил – «До утра! Научись спать правильно, чтобы не тратить время зря». Мы обнимались на прощание и ждали следующей встречи. Каждый из нас жил в отдельном домике на одного человека. Мы никогда не приглашали друг друга в гости, обычно собирались на поляне за городком, чтобы не чувствовать друг другу обязанным или оставались после учёбы в классе.

Но эту ночь я не забуду никогда. Да в принципе именно тогда и родилась идея самой великой долины. Не могу гарантировать и тем более констатировать, что это именно было в ту ночь. Сегодня это уже неважно, хотя последовательность нужна для чёткого понятия плана. Но всё по порядку.

Таким возбуждённым я его не видел никогда ещё. Он стоял посреди моей комнаты, напротив свечи и размахивал руками, от чего казался ещё выше. Каждый раз, когда руки спускались вниз, передо мной проплывал какой-то белый свёрток в его руках, и уходил быстро вверх, пропадая в темноте. Но мало того, что я ещё толком не проснулся, и горевшая одна

свеча давала не просто мало света, а светила просто для себя самой, я не мог понять, что мой учитель делает у меня комнате в такое время. Когда мои глаза привыкли к темноте, я разглядел в его руках свитки с печатью. Это означало что, это было с библиотеки, где уже готовые работы сдавались на хранение. Через какое то время Анил зажжёт факел, стоявший на полу в специальной подставке. Теперь я увидел его глаза, в них был испуг и восторг, тоска и ликование, перемешанное всё сразу, создавало впечатление, что сейчас всё вокруг взорвётся. «Но, что уже такого он там накапал среди полок?» – про себя подумал я и, понимая безвыходность и испорченный мой сон, стал освобождаться от одеяла. Я знал, что можно было осторожно вытащить печать из связывающей верёвки и прочитать всё, что тебе надо. Я сам этим пользовался пару раз, для Анила, когда он меня просил. Но вот, чтобы выносить из библиотеки свитки, мне точно было известно – запрещено.

– Анил, вы сошли с ума. Поднявшись с кровати, выговорил я, пытаюсь проснуться до конца. – Если про это узнают выше... Я взял стакан воды с тумбочки, так как чувствовал не только сухость во рту, но и какой-то ком застрявший в горле. В надежде, что смогу скинуть глубже его для того, чтобы просто говорить. Закончив пить, и вернув стакан на место, продолжил. – То, что вы ходите в библиотеку и на это закрывают глаза, не значит, что можно воровать.

– Да угомонись ты, лучше послушай. Говорить и делать выводы у тебя будет ещё время. Успокоившись, вернувшись в своё, обычное состояние, он стал похожий на дикого зверя, плотно поевшего и ничем на ближайшее время не интересующимся. Это было ложное мнение, по отношению к нему. Его любовь к новостям и совершенству, не позволяла ему отдыхать даже во сне. Но сейчас это выглядело так. – Слушай и молчи, а потом будешь делать, что хочешь. Даже если ты решишь меня бросить или сдать наверх, я не обижусь. Это прозвучало настолько убедительно, мне только оставалось сесть и слушать. Вообще Анил обладал непонятным даром убеждения. Когда я один раз его спросил, как он это делает, получил простой ответ с невозможным применением – «Просто играю на эгоизме всех нас. Я не говорю человеку, что с этого будет мне, нам или всем остальным. Я чётко показываю его личную выгоду. От этого не отказывался ещё не один».

Читал он, медленно стараясь придать силу не только каждому слову и букве, но и пробелам с запятыми: «Они живут в вечной суете, считая её главным залогом успеха. Одни ради того, чтобы дать поесть своим детям, у них это называется – «добыть на пропитание», другие же, сжигая набранное, при помощи первых тонут в роскоши и разврате. Одни и другие мечтают об одном и том же. Только не все могут себе это позволить. Обоих жалко и кого больше не понятно. Цель, к которой они стремятся, для них не достижима, потому что они изначально не могут её определить. Все они пленники своих низких желаний. Но страшно не это, а то, что они ничего не делают, чтобы это поменять. В лучшем случае одни начиная больше добывать, пополняют армию вторых, оставляя места другим. Всё это круговорот, почему то названный ими – «Борьба за жизнь». Так она у них проходит в вечном поиске мнимого продвижения вперёд. Страх, что завтра не будет пищи, пугает всех одинаково и больше всего. Не давая места, подумать, где ты будешь сам. Прячась за мнимой ширмой не хватки времени. При любом предложении расширить его поле, был отказ. Так как нужно было за это отвечать. А зачем? Они придаются печали лишь для того, чтобы себя оправдать в глазах других, боясь посмотреть в свои.

Ни кому в голову даже не пришло, что ни чего не надо копить или сохранять в принципе. Если ты так же будешь хорош завтра, как сегодня то и нечего бояться. Не нужно больше, чем ты можешь потребить или потратить сегодня, оно и есть главное место сражения за потребности жить. Удовольствие у них в падении, перенасыщаясь счастьем других. Единственная форма любви – это разврат, и не важно, это душа или тело. Для них это, к сожалению, одно и то же. Они мне кажется, вообще не в силах этого понять, не говоря о том, чтобы вообще перестроить свои мысли и мечты. Пока мы всё, что делали и делаем – это расширяем им пространство для

их же пустоты. Им по большому счёту всё равно, кто рядом и где они сами. Главное, чтобы это хоть как-то соответствовало их несовершенному миру. Они с такой тщательностью его улучшают по их мнению. Не могу сказать, что все такие. Но те, кто другой, просто не уживается и уходит от них. Я думаю, что идеальны только мы пока, но это решили мы сами и судить нас не кому. Основная наша ошибка. Здесь он первый раз взял паузу. Или на самом деле выдохся и хотел взять глоток воздуха, или подчеркнуть важность последних слов. – Мы пытаемся создать себе подобных. Но главное наше достижение будет, если мы найдём в себе силы признаться, что даже нам это невозможно сделать». Анил сел и небрежно бросил пергамент на стол.

Среди нас слово «невозможно» было исключено вообще. Его не было в учебниках и в наших отчётах. Что было невозможно для тех, кому подвластно всё. Так нам внушали с первого дня, как мы попадали в школу магов. И вдруг мои мозги посреди ночи разорвало одно слово, короткое и большое, поменяв во мне всё, что до этого знал и в чём был уверен до конца. В этом месте не было сомнения никогда. Я лично верил этому, как младенец верит, что вкуснее грудного молока ничего нет и быть не может.

– Это черновик Анил, правда, описка нового студента. Каждое моё слово прыгало, будто его скинули с высокой горы и оно, ударяясь о камни, пытается добраться вниз.

– Берт, это с той части библиотеки, что ключи есть только у троих из нас на вершине. Я молчал, думать не мог, просто пытался получить хоть какое-то объяснение от своего старшего друга. – Берт, дорогой! – протягивая свои длинные руки с пальцами вперёд, после паузы заговорил Анил. Её он выдержал специально, чтобы дать мне подумать. Это был его обычный шаг в любой беседе. – «Молчать тоже надо уметь» пролетела в голове, одна из любимых фраз учителя подтверждая обстановку. Доказывая не раз на практике, что это правильно.

Тонкая струя света, прошлась по его капюшону, небрежно застрявшем в копне волос Анила. Я только сейчас заметил, что он его даже не снял, хотя внутри дома было не принято быть с покрытой головой. Он мне показался, каким-то светлым и в то же самое время очень далёким для меня человеком. Я только сейчас понял, какая пропасть между нами. Кто этот человек на самом деле. На сколько он другой, чем мы все здесь на вершине магов. Он не просто другой, он выше. Его улыбка – это была насмешка над нами всеми, но он это умело скрывал. Слишком он был воспитан, чтобы это показывать. Он подошёл ко мне вплотную, словно зверь на охоте, пытающийся рассмотреть свою добычу с близости, а потом решить стоит ли вообще на неё тратить силы. Его глаза сверлили меня, словно пытаясь поглотить. Ровно сомкнутые губы, очертили, словно полосу между глазами и телом. Тишина завладела нашей комнатой, мы оба чего-то ждали. Я прекрасно понимал, что мне предлагает союз. Только в чём и для чего. Он сел около меня, одним мягким и тихим движением оказавшись рядом. Две мои руки, обычно я искал, куда их положить, оказались зажаты между его ладонями. Он давил на меня молчанием.

– Кто этот он? Даже не зная, зачем спросил я. Наверно так надо было в конце произведения спрашивать автора. Я сидел, боялся пошевелиться, да и не мог. Ко мне сзади привязали груз, и с ним не возможно было идти, а впереди поставили высокую стену.

– Он Сам, прежде, чем был избран главным. Если он там есть, в чём мы с тобой не уверены. Я только теперь понял, что придя в эту комнату, Анил уже не оставил для меня выбора. Я участник его игры или предатель. Может быть это и жестоко, но это жизнь. «Реальность и есть главный враг твоих грёз» – эти слова были вынесены на первую страницу одного из учебников по созданию параллельных миров. Теперь их смысл для меня открылся не просто по новому, а полностью по-другому.

Ту ночь я не забуду никогда. Она была для меня чем-то большим, чем просто поступок, совершённый во благо чего-то, или для кого-то. Чтобы умереть, нужно хоть чуть-чуть пожить. Но умираем мы лишь для того, чтобы заново приобрести вечную жизнь. Я тогда так и сделал, только умер не родившись для того, чтобы открыть для себя новую страницу где даже не было пылинки из истории, не говоря букв. Своим молчанием я подтвердил своё согласие, что я с

ним. Тогда он мне открыл свою идею другого мира. Мира музыки и её вечных слуг семи нот. Анил назвал этот мир – Долина Симфонии Дестино.

Ей предшествовал один отчаянный поступок. Я был уверен, что записи ведутся только мной. Но потом в них нашёл приложенные отчёты Анила. Как я понял, он их вёл параллельно, и ещё надо добавить, что, по-видимому, и потом когда мы их сдали. Это нужно ещё доказать, но стиль его это точно. Я их буду изредка вставлять в свой рассказ, предупреждая вас об этом. Все эти рассказы – это история для тех, кто хочет стать выше, чем он есть. Или достичь, большего, чем ему дано. Если из истории можно извлечь урок, она бесценна. В обратном случае это просто прошедшее время.

...

– Анил, ты уверен, что сможешь вернуться? Голос Берта пытался перекрыть ветер, что уже целую неделю не давал покоя никому на вершине магов. Струи воздуха делили слова на буквы и разбрасывали вокруг собеседников в виде отдельных звуков. Я только по его выражению лица понял, что он хочет.

– Берт, я тебя не слышу. Давай поговорим, когда я вернусь. Как сейчас помню, пытался не волноваться, или хотя бы не показывать, мандраж ученику. Я пытался открыть свиток со страной, что уже была закрыта как проект для будущего идеального мира. Берт понял, что его не слышат, схватив мою руку раздвинув ноги, упёрся ими в землю. Показывая всем своим телом, что он ни куда меня не пустит. – Мой друг, это глупо пытаться меня удержать. У меня от этого ещё больше появляется желание туда попасть. Я вернусь, я обещаю мне только нужно увидеть самому, всё то, что мы с тобой говорили.

– Анил, ты уверен, что сможешь вернуться? Берт подтянул меня к себе как канат и прокричал на ухо то же самое. Я ему кивнул головой и улыбнулся. Раскрыв при этом полностью свиток, я начал читать заклинание перехода и открытие параллельного мира, куда люди попадали после смерти со странным названием Ад. В этом случае это была страна с уже сформированными правилами и законами. Чёткие границы, где и для чего это место делалось, не давало никаких возможностей уже его менять. В свитке было написано, что вернуться из Ада нельзя и за событиями в других мирах ты можешь наблюдать только со стороны. Пока не были запущены остальные постоянные миры, рукопись лежала и ждала своего часа. После окончания молитвы я исчез, оставив его на земле. Задача Берта была свернуть свиток и вернуть на нужную полку, чтобы никто даже не догадался.

Как было и прописано в нём, дорога туда усыпана ярким светом, не только не дающим понять, что твориться вокруг, но и увидеть самого себя. Время в дороге для тебя определяют грехи твои и поступки. В зависимости, какая дверь перед тобой откроется туда и войдёшь. Поступки, перевесившие чашу весов справедливости, дверь и открывают. Когда нам первый раз зачитали это как, окончательный проект, я долго смеялся, меня даже выгнали с совета. Когда я уже захлёбываясь, спросил – «А кто тот смельчак, что дал чёткое определение самым двум абстрактным понятиям даже среди нас, таким как Грех и Праведность». Меня просто под руки и вывели. После этого думаю, и невзлюбили меня некоторые мои коллеги. Выйдя подумал, что это шутка или студенческий розыгрыш, и забыл. Единственное мне тогда понравилось, что все два места и для хороших и плохих (так их называли) назвали Ад. Адом у нас считалось место наказания во время учёбы, где нам говорили что-то делать без указания времени. То есть Неизвестность и бесконечность и было нашим адом. Здесь собирались людей поселять навечно, и уже было неважно для чего – вечно, это и есть приговор, я был непоколебимо в этом уверен. Свет меня уже утомлял, но надежда, что скоро открою одну из дверей, вела меня вперёд. По дороге к миру Ад, меня уже начинала раздражать тишина. Появившиеся новые ощущения напоминали страх, но он был беспричинный и это больше всего настораживало.

– Только яркий свет и тишина, чего бояться. Шепча себе под нос, словно заклинание успокаивал сам себя. «Но не получалось. Новый мир тебя приветствует своей неизвестностью» – прокомментировал и остановился. Поняв, что здесь я уже не маг, а ученик у мира, созданного моими коллегами. Меня накрыла очередная волна страха, только теперь я его стал понимать, но пока не управлять им.

– Мне надо очень быстро разобраться и вернуться. С этими словами, попробовав пробраться к дверям при помощи обыкновенного дара перемещения, и оставшись там же, я захотел развеять свет, но он ещё больше сгустился.

Первый раз в жизни, по-настоящему меня посетил страх. Мои знания в магии здесь не работали, делая меня обычным искателем правды. Как я тогда смеялся про этот мир, так он сейчас начал пока подсмеиваться, надо мной. Меня вдруг осенило, не только люди ещё не готовы к нему, но и мы. Каждый по своим причинам – но не готовы, это точно. Находясь в коридоре, есть шанс для избранных вернуться. Так было написано в свитке, это я хорошо помнил. Надежду подпитывала моя самоуверенность в том, что нет невозможного. Но страх за самого себя подсунул мне это слово как глоток воды во время жажды. Для того, чтобы нам стать здесь справедливыми и не ошибиться, нам нужно понять душу человека и его истинные намерения. Мысли и помыслы, мечты и грёзы, искреннюю жалость и скорбь и ещё много чего, но мы не могли пока это понять. Для этого нужен был другой мир. Сюда я ещё вернусь, у меня есть пока дела на вершине Магов. С этой мыслью, я стал читать заклинание возвращения в надежде, что хоть это сработает. – «Алекнор декорто исену янем адюсто к ебес». Это последние слова, что я помню. Их я нашёл в одной из книг, где было написано только их предназначение, но не последствия. Тогда меня это немного рассмешило, и выучил их просто по ходу, не зная зачем. У каждого заклинания было своё предназначение и последствие, как в принципе и у любого поступка в нашей жизни.

– Анил, Анил очнись, ты уже дома, это я, Берт. Голос был как-будто издалека. Я приоткрыл глаза, и яркий свет залил их. Неужели не получилось, но откуда тогда голос Берта. Он звучал настолько близко и естественно, что призраком его не назовёшь. Собравшись с последними силами, я приподнялся на руках и сел.

– Берт, ты где, дай руку. Проговорив это, я попытался встать сам.

– Рядом, просто отошёл взять вам воды. С этими словами он протянул чашку и вторую руку. – Ну, что расскажите великий путешественник, нам, простым магам на земле. Смеясь по-доброму, сказал Берт.

– Теперь точно знаю, какой нам нужен мир, вот насколько он получится – это вопрос тяжёлый. Но нам надо с тобой попросить разрешение, чтобы его создать, а для этого ещё предстоит доказать, что такой эксперимент нужен. Я надеялся, что Берт не будет расспрашивать меня, как мне удалось вернуться, и где точно был. Да я пока и сам не мог для себя определить чётко, что со мной и произошло.

– Анил, прекрати говорить загадками, говори быстрее, я уже тебя заждался. Берт на моё счастье не стал забрасывать меня вопросами. – Ну, расскажи, как было. Пролепетал он по детски, сев рядом.

– Нет, нет, сначала есть и много, я голоден, будто я не ел год.

– А, ты год и не был здесь. Ровно год. Когда я потерял все надежды, что ты вернёшься, и у меня закончились истории, где ты, для остальных я рассказал правду о том, что произошло на самом деле. Про свиток в ночи я конечно не обмолвился вообще.

– Ты научился шутить, и меня это радует.

– Я не шучу. Открой календарь и посмотри, какой сегодня день.

– Год? Всё, что мог произнести тогда я, ещё надеясь, что это шутка. – Ты уверен Год? Ещё с большей неуверенностью в голосе произнёс я.

– Да. Произнёс Берт, будто испугался собственных слов.

Что было дальше, мне сейчас писать лень. Выговоры, наказания, отстранение от дел, в конце концов, разрешение начать, но в очень укороченной форме, создавать Долину Дестино.

...

Любые воспоминания, уносящие меня в Долину, всегда приводят за собой желание вновь услышать музыку, встретиться с её жителями, побродить по закоулкам музыкального мира, который я с кропотливостью и творческим азартом собирал из разбросанной мозаики мироздания.

Персонажи, рождённые моей фантазией, вновь встревожили душу: королева уничтожившая народы и страны ради одного, что она смело называла Любовь; король, ставший жертвой собственных страхов; молодой принц-повеса, в один миг, потерявший беспечный покой, оказавшийся на пути, полном испытаний; прекрасная девушка, победившая свою судьбу; и много-много других, не менее интересных образов, выдуманных и угаданных мною в то благословенное время.

Любовь и ненависть, бесстрашие и трусость, боль и радость, самопожертвование и корысть, война и безмятежность. ...а над всем этим МУЗЫКА, управляемая магией – нашей магией, была в той стране.

Мы жили благодаря музыке, создавали симфонии и сюиты, играли, слушали, навязывали, вплетали музыку в действие и делали её, порой, самостоятельным персонажем... абсолютно не предполагая, что за всем этим симбиозом Материи и Духа стояла чья-то воля.

Но, вместе с тем, как же невероятно интересно осознавать, что мои создания, несмотря на управляемость и заданность их судьбы, увлекли меня неожиданностью своих поступков, рассуждениями о будущем, непредсказуемыми желаниями. Выстраивая кирпичик за кирпичиком какого-то очередного сюжета, порой, я сам не знал, чем все закончится в результате. Я проживал со своими персонажами события их жизней и, зачастую, ведомый совершенным экспромтом, менял изначально запланированный финал.

Оценивая творение, Высшие Маги особенно подчёркивали главный конёк, угаданный и использованный мною не раз впоследствии – совмещение противоположностей. Долина словно магический знак «двух полушарий», органично соединяла в себе две ипостаси бытия – Свет и Тьму...

Я исправно посылал вовремя отчёты каждого нового витка придуманных событий. Это было главным условием для работы всех магов: параллельно с творением мы должны были вести дневник, где описывали ход эксперимента и делали выводы по мере созидания. Я уже это говорил, это что-то наподобие лабораторных записей. Часть их можно было использовать в творениях в виде святых книг или откровений магов-помощников. Каждую страницу дневника мы были обязаны высылать в Высшую Инстанцию. Потом, на основе всех данных, создавался главный свиток эксперимента.

Посланники придирчиво проверяли соответствие записей дневника и нового свитка. Ничего не должно было быть приукрашено или переделано – все должно быть так, как создавалось в процессе творения.

Как часто нам не хватает чистых эмоций, спонтанности в восприятии, незашоренности взгляда, чтобы продолжать развиваться и творить. Теперь я понял, от кого пришло решение, передать мне свиток на реставрацию.

Усаживаясь в кресло поудобнее, я решил прочесть весь свиток заново. Как любил повторять мне Анил во время работы: «Поставь перед собой сверхзадачу, – всё остальное выстроится само». Для начала работы я вооружился краской для пометки на полях, чистым свитком и чернилами. Первое, что я тогда открыл, его личные записи с пару историческими сносками, привязанные к проекту.

...

«Мы всегда живём минимум двумя жизнями. Магия или волшебство даже не вмешиваются. Мы можем быть отражением всего лишь чужой воли и все наши старания это заведомо

прописанные шаги. В долине верят, что каждый, кто держит инструмент в руках – творец, но и он сам может, когда-то стать творением своей же симфонии. Любая попытка познать мир закончится новой возможностью прикоснуться к неизвестности. Человеку надо дать шанс прорваться в мир, сломать все преграды и получить карту своей жизни. Имея возможность смотреть только на то, что за спиной в лучшем случае останешься на месте. Готов ли человек взять карту в руки?

Маги пытаются найти ответ на этот вопрос. Да, осознавая, мы творим, изучая, мы меняем. Но, это всё не всегда осознанно. При помощи огромных усилий, ну и не без заклинаний Мне удалось найти дорогу, ведущую на вершину. Оттуда я смог увидеть не только всю долину целиком, услышать не только всех жителей сразу, но и понять отражающийся мир, частью которого являлся сам. Так в свои отчёты я ввёл слова – «зримое» и «недоступное». Но, недоступное – кому? Все, что доступно взору или слуху существует в мире обособленно – скалы, океаны, леса, животные и люди, – в действительности же связаны между собой, но простому человеку этого не понять. Это как любой из нас увидев океан, крикнет – «Смотри, какие волны высокие». Не задумываясь, что это всего лишь часть океана... А в гавани, окружённой скалами, в пяти минутах ходьбы тот же океан может быть тихий и спокойный.

Так наверху родилась идея создания при помощи магии ещё одного мира и ещё одного отражения. Часть долины отражалась, но отражением были просто люди. Они жили своей жизнью. Точкой отсчёта был момент, что определяли Мы. Люди про это не знали, они нужны были нам, как носители желаний и возможностей. Живой материал с заложенными характеристиками, если сказать словами строителя. Только мы могли путешествовать между параллельными мирами. После того как поставленная цель достигалась, ненужные земли стирались за не надобностью. Если даже кто – то говорил – «Я чувствую, что этого не должно было случиться», – слова этого человека относили к разделу фантазий внутреннего мира».

На полях была пометка, перевернув лист, я прочёл – «Жители долины об этом не знали, да и надо ли им это было знать? Они жили «своей» жизнью и верили, что они её творцы, а что ещё нужно человеку, в стране, где правит музыка и она же является единственным источником энергии?».

– Так мы думали, когда начинали эксперимент, в чём в конце полностью разочаровались. Произнёс я, пытаюсь оторваться от рукописи.

– Это всё воспоминания, не желающие просто лежать на полке прошлых лет. Я расскажу всю историю, про долину Симфонии не в хронологическом порядке, а по-своему, как хочу и как вижу. Как бы я её писал, если бы не эти дурацкие правила последовательности и скрупулёзного отчёта о каждом шаге каждого героя. Вставая, я вспомнил, про рисунки, которые посоветовал вставить в свой рассказ посланник. Может быть, он и не настолько глуп, а просто роль у него такая в нашем театре жизни. Отбирая для себя картины, я остановился на одной, где мне показалось, чего-то не хватает.

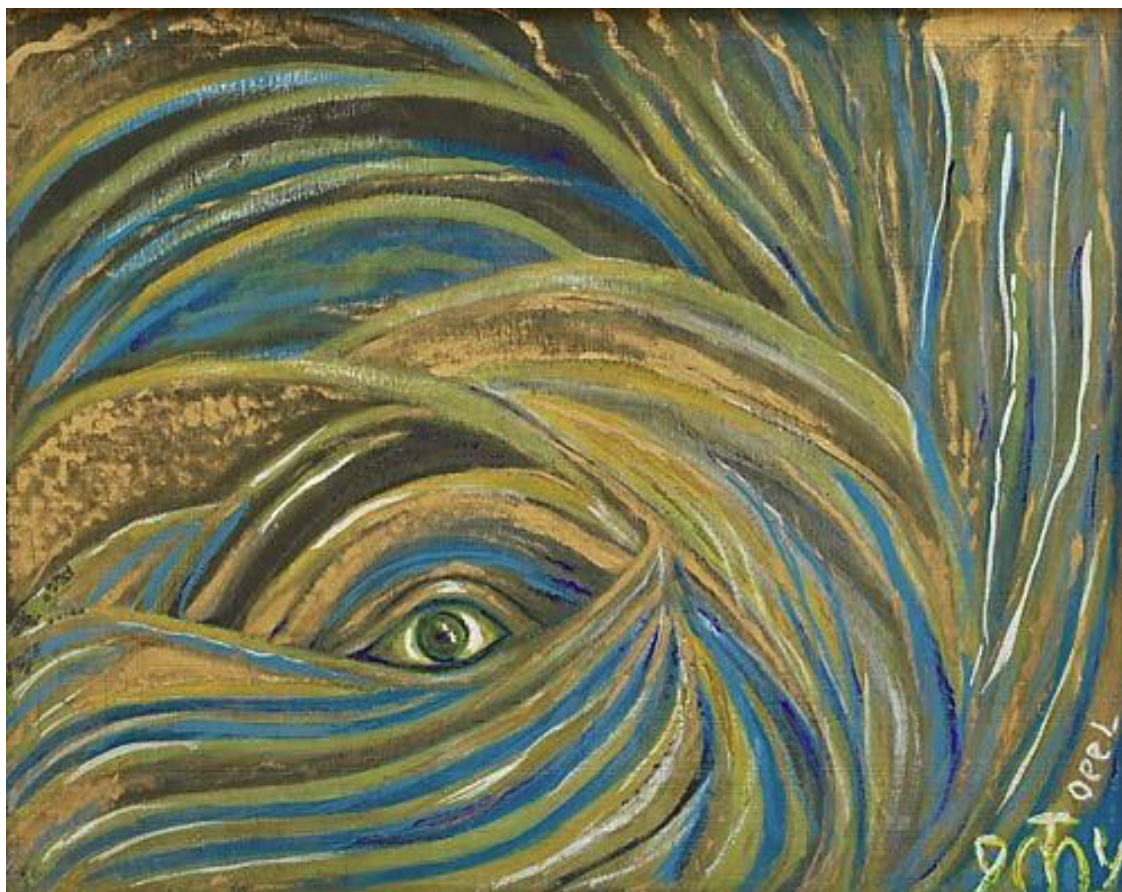
– Здесь точно их было восемь, теперь семь. Неужели и сюда добрался Анил. Ладно, вставим как есть, тем более я точно знаю, куда она должна пойти. Сам себе улыбнулся, вернувшись в кресло.

Прежде чем начать, хочу вас предупредить, история будет неправдоподобная даже для нас магов, но дочитав рукопись, вы удивитесь её реальности. Если будете честными перед самим собой, поверьте мне, это так тяжело, а для многих это просто невозможно.

Предисловие

*Рука – ум – сердце
это и есть творчество!
Эта рукопись просто для тех, кто стремится стать или
быть самим собой!*

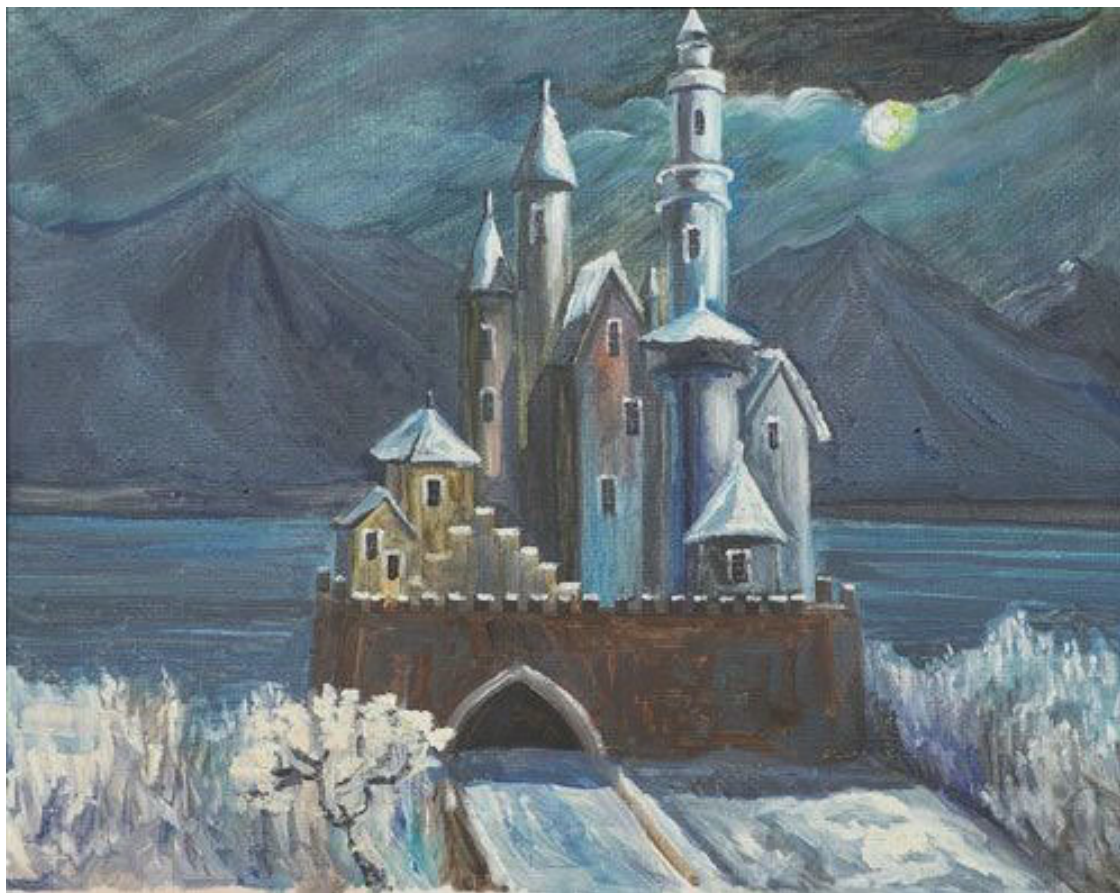
Первая глава

Мы художники, и мы же – произведения искусства

Как и у любого предмета на этой земле, у них существовала своя легенда. Насколько она была правдива, это никого не интересовало, да это и не надо было никому. В обратном случае – это уже была бы не легенда, а история. Вписавшись в учётную книгу земель, она растворилась бы во времени быстрее, чем успела бы высохнуть краска на её бумаге.

Эта на первый взгляд тяжёлая и не понятная конструкция состояла из пары сложенных астрономических дисков, напоминавших собой механический астролэбий, им могли пользоваться только маги, жившие на этой земле много столетий назад. Всё это напоминало примитивный планетарий, и из него была видна вся вселенная. У астрономических дисков на фоне неподвижной Земли и неба, вращаются четыре главных движущихся компонента. По зодиакальному кольцу можно определить, какая симфония должна звучать сегодня. Внешнее кольцо вращения отображало инструменты, которые должны были это играть (их было немного, но если больше одного можно уже выбирать). Изображение, представляющее Солнце, несло на себе римские цифры, при совпадении их с кругом инструментов они говорили, сколько время будет длиться сама музыка (при этом, запуская внутренний механизм для исполнения выбранной симфонии для утра). Изображение, напоминающее Луну, внутри было пусто из-за того, что мастер не успел их доделать. Нет, он не умер, его казнили по причине того, что король испугался увидеть истину, спланированную показать мастером при помощи четвёртого круга. Легенда гласила, что король не мог позволить ей появиться на центральной башне и, обвинив часовщика в воровстве, заточил его в темницу. Музыка была не слышна там и звуки утренней симфонии не доходили – это было хуже любой казни – умереть в тишине. Часы выдержали самое главное испытание, отражение времени, что производили сами. Раз в году их ход замедлялся, и зодиакальное кольцо перекрывалось пустым диском истины. В этот день королева открывала ворота своего замка и приглашала всех поднять бокал за здоровье их принца – его не видел никто. Утренней симфонии в тот день не было, люди, поглощённые тишиной, отдавались полностью воспоминаниям, будоражащие подсознание под давлением свободы.

У этих часов, точнее у башни, несущей их уже много лет, была ещё одна особенность – не только было слышно в любой точке города, но и видно. В этом и была сила столицы Темнских земель, где бы ты ни жил, ты всегда можешь не только насладиться энергией утренней симфонии, но и увидеть её источник!

Но был один замок, его специально построили так, чтобы не только не было видно башни с часами, но и музыка доносилась туда как эхо в долине, тихо и не навязчиво, просто давая знать, что она здесь есть. Попасть туда было не просто, надо было обогнуть город по северной его стороне, и только потом специальный паром мог переправить гостей в королевский замок. Человеку, попавшему сюда первый раз, не надо было слушать придворные сюиты, и так было понятно: – это место несёт в себе не просто печаль, а боль потери известная только владельцам этого храма. Днём солнце пробивалось здесь через специальные проёмы, больше напоминавшие трещины, чем окна, а ночью и они закрывались автоматически, чтобы луна даже не думала о своём посещении. До наступления сумерек косые лучи солнца, согревая стены, предавали замку ощущение жизни, а ночью это превращалось в холодный склеп, в нём правил ужас. Вся прислуга с появлением первой звезды уходила и только стража на стенах могла хоть как-то обозначить это место, что здесь живут люди. Но не в этом был самый большой страх всех, кто посещал этот замок – в нём не было сцены для музыкантов. Там не было ничего, чтобы можно было сказать: “Здесь живёт мелодия. Она плохая или хорошая – это уже неважно».

Раз в году по приказу королевы открывали на заднем дворе ворота, ставили столы, заполняли их яствами с королевской кухни и все, кто хотел, мог выпить за принца, закусив дичью специально приготовленной к пиру. На следующий день ворота закрывались и даже бурьян, что был похож на изгородь, не трогали в течение года.

Длинная труба в руках гвардейца с пару отверстиями посередине, пронзительно запищав, оповестила о начале очередного пиршества, и под сопровождение исходящих из неё звуков ворота открылись, приглашая всех к столам. Наступившая потом тишина изменилась под натиском множества людей, устремившихся к еде и вину. Ими управляло не только желание поесть, но и громкие призывы барабанов, извергающие по этому случаю особую музыку, несущую в себе силу притяжения к этому месту. Смысла в этих звуках никто не понимал, но чув-

ствовал некую обязанность не только веселиться, но и скорбеть. Чувство внутреннего дискомфорта и боли не понятно за что, обсуждалось горожанами потом целый год. Это был приказ королевы, не только исполнять эту музыку, но и слушать.

Король стоял на балконе и смотрел, как его гости истребляют то, что повара готовили целый месяц. Тревожила его не казна, хоть она каждый год выделяла огромные средства на этот день, не тосты, что были слышны внизу, не музыка, так же и его обязывающая грустить. А волновала карта, расстеленная перед ним гонцами пару минут назад.

– Вы хотите мне сказать, сегодня это долина недосягаема ни для кого и входа в неё нет? Они принимают дары извне, и отсылают свою музыку с гонцами в другие страны взамен? Это то, что вы мне пытаетесь сейчас доказать. И это всё, что вам удалось узнать за год вашего нахождения около долины Дестино.

– Да, мой король. Сами жители долины могут посещать другие страны только по определённым дням, когда их утренние симфонии звучат для них там. И то это доступно не всем, а только избранным.

– Вы пробовали сами пробраться на их территорию, как я этого просил?

– Невозможно, ваше величество. Идя по карте, ты в какой-то момент начинаешь теряться около границы. Музыка начинает тебя уводить в сторону, играя с тобой в прятки и после долгих скитаний, они могли длиться сутками, ты понимаешь, что ты на том же месте.

– Сколько раз вы пробовали?

Король взял с подноса стакан вина, поднёс его к губам и замер. Его взгляд вдруг остановился на гонцах, всей мимикой он пытался, что-то выразить, но какие-то силы внутри него это останавливали. Он отвернул голову так, чтобы никто из присутствующих на террасе не заметил его тревоги, стараясь избавиться от комка в горле, подступившего так высоко, что мешал даже дышать. Он хаотично пытался сложить мозаику со слов, сказанные в книге пророчеств и с того, что говорили сейчас его подданные после посещения долины ДЕСТИНО. В его голове, другой человек, не король ему шептал.

– Ты дал возможность Атикину, одурачить себя, всё, что он для этого сделал, взял твоё время, и использовал против тебя. Он понимал, музыка была здесь только инструментом, при помощи неё он создал свой мир, где он жил по своим правилам и даже он король Темнских земель, сегодня должен был это признать. В книге пророчеств были слова – “Придёт время и музыка завоюет мир, но ноша эта не посильна одному».

Кто он, тот второй, что помог ему это осуществить? Вот этот вопрос больше всего, мучал сейчас короля. Мысли бежали, переплетались, объединяясь в новые, и рушились как воздушные замки лишь потому, что не было почвы для того, чтобы всё это можно было поставить. Король ещё не мог сконцентрироваться потому, что должен был ещё оставить силы на разговор с королевой. Каждый их разговор, забирал у него всю энергию и силу, на восстановление потом уходило очень много времени. Любые утренние симфонии не могли за один раз восполнить эти потери.

Ответ на вопрос, заданный им пару минут назад, вывел его с состояния полного страха.

– Мы пробовали раз десять, но с каждым разом все наши попытки заканчивались тем, что мы просто в конце каждого такого прохода отдалялись от границы.

Король чувствовал, что он должен побыть один. Подняв руку, он показал своей свите на выход. Один из тех, кто вернулся с долины ДЕСТИНО, пытался ещё что-то сказать и задержался при выходе. Но по выражению лица своего правителя он понял, что сейчас это было неважно, и лучше об этом поговорить завтра.

Король скинул с себя все праздничные одеяния, они были не только неудобные, но и тяжёлые. Его тело уже забыло, что такое носить кольчугу и вместо короны надевать на голову защитный шлем. В его руках кроме жезла, после получения из долины ДЕСТИНО утренней симфонии, ничего не было. Король остался в одной белой рубахе, доходившей почти до колен,

где сразу начинались длинные кожаные сапоги с мягкой подошвой. Он облегчённо сел в своё кресло, с улыбкой глядя на своего единственного верного друга пса Стажа. Он нашёл для себя очень удобной подстилку, сооружённую из вещей брошенных его хозяином на пол. Ему пришлось всё, даже больше, чем тем, кто был готов отдать жизнь за своего короля. Стаж это по-своему чувствовал и пользовался этим при любом случае. В этих землях верили, что в собаку переселяется часть души человека, чьё сердце ещё бьётся, но тело очень далеко и он никогда не вернётся. Как говорили в этих землях – «Глаз не видит, сердце не помнит». Слово «никогда» очень пугало, но он верил в поверье и из-за этого был привязан к псу больше всего во дворце. Это был его вечный спутник и в то же самое время как тень всегда был рядом, даже ночью он спал под дверью своего господина.

За спиной короля слышались шаги, они принадлежали королеве, их он отличал среди тысячи других. Со звуками, что рождались от прикосновения ног королевы к земле, он был знаком с детства. Их представили друг другу ещё подростками, и они очень много времени уже тогда проводили вместе. Слушали музыку в лесу, рисуя на коре, наслаждались серенадами у горных речек, даря сердечки друг другу на песке, ловили звуки, заноса их в свои дневники при помощи красок и играли с ветром в новые мелодии. Всё это было и сегодня, к сожалению это приносило только неудобство, когда это произвольно всплывало в памяти. Боль ощущалась в груди при каждом таком randevu в прошлое. Всё это происходило от отношений, построенных чисто на официальной основе. Встречались только на балах или раз в году на День Рождения принца.

– Рич, как я понимаю, ты один? (по дворцовому этикету нельзя было официально называть только имя, это позволялось, когда они были одни).

– Ева, если с дверей летит в меня – «Рич», то я думаю, что идя сюда, ты встретила всю стражу и гонцов уже на парадной лестнице направляющихся к выходу. И они, я уверен, отдав честь, сказали: «Наша королева, ваш супруг зол, но по-прежнему добр и мудр!».

– Мой король, подхалимство наших придворных не сделает вас более сильным.

– Права моя душа, но, как и раньше, я КОРОЛЬ Ричард второй, земель Темнских и вод его прибрежных. Я думаю, как сделать моё правление более сильным и благосклонным к народу своему.

Король потянулся ещё за одним стаканом вина, предложив так же Еве выпить и расслабиться. По дороге пытаясь рассказать, что в этом году урожай необыкновенный и такое вино он не пил уже давно. В этом аромате вся долина, где они когда-то бегали.

– Да Рич, тогда ты больше думал, как быть королём и каждое твоё слово было закон. К сожалению, в последнее время я этого не могу сказать.

– Скажи мне только честно Ева, ты думаешь – мне не больно, я не вспоминаю про это, думаешь, я не хочу того же самого, только ты одна просишь его нам вернуть. Голос Рича повысился, что даже Стаж поднял голову. – Скажи, что я могу сделать, если война невозможна.

– Невозможно, или ты боишься? Ты не мать, тебе не понять тех мук, что я переношу думая каждый день об этом. Мои молитвы помогают мне, если ты согласишься как я, наша вера укажет нам путь. Да, я королева, но, во-первых – я мать. Мать, отдавшая самое дорогое, поверив тебе, что ты это вернёшь. Ты меня обманул. В этом и кроется моя боль, и я уже не знаю от чего мне хуже: от потери или от обмана. Помолись хоть раз со мной вместе, отдайся мелодии души сполна и она тебе откроет другие миры. Я уверена, ты даже и не слышал о них. Для этого нужно искренне в это поверить. Почему, почему ты это делаешь? Ева кричала на Рича, забыв все правила этикета.

– Ты знаешь, моя дорогая, я наверно был самым лучшим принцем всех времён, ни разу не воспользовался своим саном и тебе ли это не знать. Я не помню, чтобы я пропустил хотя бы одну молитву за 20 лет. И, что я получил?

– Рич мой дорогой, но ты же знаешь, что я с тобой, и что для меня это удар, твой отказ от молитв. Стремись к справедливости не через долги перед кем то, а перед собой только.

– Душа моя, справедливость, а что это такое? это изучение законов свыше или жизнь по правилам. Ты знаешь, – я уверен (если он существует), Он только потребляет, он только просит от нас веры, а вместо этого, что он тебе дал?

– Он не должен давать. То, что он с нами, мы уже должны быть ему благодарны. А тебе он дал испытание, но он тебя не бросил. Помолись и тебе будет легче.

– Я снял с себя обязанности посещения храма после того, как я пожертвовал своим самым дорогим ради народа. В ту минуту, когда я понял, что у меня нет выхода: боль разорвала меня, я плакал в подушку, чтобы не разбудить тебя по ночам, я вставал утром и занимался делами народа, отобравшего у меня всё. Не тебе ли знать, что я молился, когда люди сходят с ума от боли, не твои ли руки выхватили нож с моих рук, когда он был на моём горле. Я молился, я верил, да я и сейчас верю. Он останется в сердце, в жизнь я его возьму в своих поступках. Если он мудр, то он поймёт мой уход. Если нет, нет ему судей, а у меня сил... Любая религия – родник, он не утоляет жажды и не спасает, но может дать возможность не умереть от неё. Это правда, и с этим не спорю. К моему сожалению или радости, жизнь моя продолжается, и я устал скорбеть, потеряв веру, я приобрёл свободу, что мне сейчас нужней.

– Ты должен быть сильным и не прятаться за верой, а стать её частью.

– Не хочу быть сильным, хочу быть слабым, устал думать за всех. Если мне дано это испытание, по второму кругу пройти, то я отдамся времени. А оно мне найдёт учителя и укажет путь к нему назад, если этот путь вообще существует. Дорогая, я хочу, чтобы ты не только вернулась в королевскую спальню, но и в мою душу. Мы сможем ещё родить десятерых принцев, и я уверен, с этой болью мы научимся жить. Не подумай, что я тебе предлагаю забыть, я знаю, это невозможно. Хочу, чтобы мы вместе научились с этой болью жить с улыбкой на лице.

– Нет, и ещё раз нет, я хочу то, что полагается мне по праву. Мой ребёнок, и я чувствую, он жив и наша трусость каждый год всё дальше уводит нас от него.

Королева повернулась к нему и, смотря ему прямо в глаза, стала молиться. Король стоял в оцепенении и молча ждал конца этого вечера, который должен унести с собой их очередную ссору и её молитву.

Ева закончила, в её глазах были видны слезы, и она тихо произнесла: – Так может быть, ты заблудился, а не он тебя отверг за твои слабости. Стань частью его, и ты поймёшь, где ты ошибался и как можно вознестись над этой жизнью и победить её. Победа твоя – это клятва, произнесённая тобой двадцать лет назад.

Король взял Королеву тихо за руку и подвёл к карте. Солнце собирала своих последних посыльных с земли, готовясь передать права луне править до утра. Рич поставил перед картой большой канделябр.

Их обоих охватило смятение, ночная серенада несла в себе часть прошедшего дня, пытаясь при помощи музыки поменять краски. Они отдались звукам, понимая всю важность возложенной миссии, ощущали ужас перед тем, что им предстоит совершить. Как в былые времена у Рича заполонило душу и заглушило тихий голос рассудка. Истина предстала перед ними, Ева отключившись от всех мыслей, преодолев внутренний протест, ощутила, как нарастает в ней великая власть. Она нужна была ей только для одного. Она бы могла от неё отказаться ради цели, но сегодня это был инструмент, при помощи этого всё и свершалось. У неё перехватило дыхание. Королева медленно возложила руки на плечи супруга и принялась слушать.

Первая глава – отражение

*Нельзя найти новый путь,
ходя каждый день по одной и той же дороге....*

Как гласила легенда, горожане любили рассказывать любому, кто хоть раз посещал этот город, что эти часы городу подарил один влюблённый мастер в младшую дочь короля. Где в этой истории, правда, а где вымысел? Уже не знал никто. Да и зачем портить красивую сказку, написанную чувствами, рождёнными любовью и там есть место для фантазии любого жителя столицы и, чувствуя краски, можно было не только насладиться всей гаммой цветов, но и получить энергию, что как воздух питала здесь любого. Сами часы от этого свой ход не замедляли под грузом выдумок. Не шли быстрее, ощущая свою значимость, смотря на всех с высоты. Они просто раздавали по городу каждый час, свой звон, заполняя воздух неповторимой гаммой цветов. Все кто их слышал, смотря вокруг, слышали краски по-своему окружавшие в этой стране всё. Музыка здесь всего лишь была помощником для тех, кто хотел лучше понять всю прелесть гаммы цветов.

Всё величие этой конструкции состояло из пары сложных астрономических дисков, напоминавших собой механический астролябий. Им могли пользоваться только маги, жившие на этой земле много столетий назад. Всё это напоминало примитивный планетарий с видом на всю вселенную. У астрономических дисков на фоне неподвижной земли и неба, вращаются четыре главных движущихся компонента. Зодиакальное кольцо по нему можно определить какая симфония должна звучать сегодня, внешнее кольцо вращения отображала инструменты, что должны были это играть (их было не много, но если больше одного можно уже выбирать). Изображение, представляющее Солнце, несло на себе римские цифры. При совпадении их с кругом инструментов говорили, сколько время, будет длиться сама музыка (при этом запускался внутренний механизм для исполнения выбранной симфонии для утра), и изображение, напоминающее Луну, оно должно было отражать сочетание оттенков и их комбинации между собой. Всё это было ради одного, любой звук должен был излучать цвет, что просто инициативно выходил из башни из её отверстий, расположенные по периметру всей башни. Магия цвета и красок переплелась в одно целое с музыкой в этом и была сила этих часов или точнее башни, с которой их разлучить уже нельзя было.

Мастер получил руку принцессы. Но, ни потому, что король пожелал породниться с великим подмастерье. Нет, нет – просто он секрет самих часов оставил при себе. Это одно и то же, что подарить ларчик ко дню рождения, а ключик не отдать.

Было это правда или нет, смешалась ли королевская кровь с подмастерьем сегодня это уже неважно. Для всех, включая короля, это лучше пускай будет легендой, но никак не историческим фактом.

Появление наследника в Темниских землях сопровождалось всегда пышным балом на нём все, не смотря на сан и чин, сидели вместе и поднимали бокал за здоровье прибавленья в королевской семье. Говорят, этот обычай тоже берёт своё начало с того дня, когда подмастерье пригласил всю свою деревню на празднование первенца. Но и сегодня никто даже не спрашивает, а с какой деревни был тот мастер. Да и зачем, породить ещё одну историю, если её нельзя не приукрасить и не изменить.

В этот день королева открывала ворота своего замка и приглашала всех поднять бокал за здоровье их принца, его было принято видеть раз в год, на этом торжестве пока он не взойдёт на трон. Утренняя симфония в тот день была другая. Люди, поглощённые новым сочетанием звуков всегда начинали видеть исходящие цвета из башни по-новому. Отдаваясь полностью воспоминаниям и чувствам, сохранившимся, где-то глубоко и главное освобождались от всего

груза, скопившегося за год. Эмоции, рождённые музыкой в тот день, были не забываемы. Их можно было сравнить с костром, что мог увидеть путник в дороге, но почувствовать тепло, можно было, только дотронувшись до него самого. Нужно было просто приблизиться к источнику, а им в основном всегда был сам человек.

У этих часов, точнее у башни, несущей их уже много лет, была ещё одна особенность – не только было слышно в любой точке города, но и видно. В этом и была сила столицы Темниских земель, где бы ты не жил, ты всегда можешь не только насладиться энергией утренней симфонии, но и увидеть её источник вместе со всеми цветами, что она из себя излучала с каждой новой нотой увидевшей свет!

Королевский дворец был специально построен так, что можно было легко пройти в башню, а окна королевской спальни выходили вообще на неё. Человеку, попавшему сюда первый раз, не надо было слушать придворные сюиты и присматриваться к гамме цветов парящей, вокруг королевской четы, и так было понятно это место для тех, кто умеет наслаждаться жизнью, любит свет и, главное, знает, как надо управлять этими землями. Днём солнце пробивалось здесь через специальные проёмы, больше напоминавшие трещины, чем окна, но и этого было достаточно, чтобы зала с утра уже тонуло в свете и тепле от солнца, а ночью стены отдавали накопившееся тепло за день, освещённые звёздами как факелами. Количество прислуги поражало всех присутствующих, как шутил сам король – «Чтобы у самой прислуги тоже была прислуга». Часть прислуг с наступлением ночи уходила, а часть оставалась ночевать при дворце. Стража на стенах напоминала больше часть какого-то маскарада, чем тех, кто отягощён воинской службой. Но не это поражало тех, кто посещал этот замок – в нём была сцена для музыкантов, она была по своим размерам больше чем тронный зал, люди усаживались, где они хотели, понятие сцена и зал здесь были стёрты. Главное правило было не сидеть перед королём. У стены стоял инструмент, чьи музыкальные способности могли поразить любого и каждый его звук нёс в себе не только музыкальные коды, но и тонкое переплетение всех цветов радуги.

В зависимости от звука, сочетания и переплетения семи нот все стены окрашивались в разные цвета, а источником света был этот загадочный инструмент. Разгуливая, как бродячий художник с огромной палитрой в руках, он предавал залу после каждого нажатия клавиши свой цвет. Люди, через какое то время начинали понимать и, главное, чувствовать краски. Цвет приобретал ту силу, что отодвигала музыку на второй план и в течение исполнения борьба цвета и музыки приводила к тому, что фоном были звуки, просто дополняющие палитру и позволяющие проникнуть глубже в магию цвета и отдаться ей на это время до конца. Главной задачей было уйти от оставленного за стенами дворца реального мира. Впечатление от него здесь воспринимались лишь как пустой холст, где во время игры накладывался первый слой красок, они ещё не перемешивались между собой, они просто размещались в разных углах и ждали своей очереди вступления в игру. Постепенно стиралась грань, между реальным и абсурдным, стремление к абсолютной свободе чувств и духа составляло подсознательную основу происходящего. Людям, сидящим в зале, предлагалось отвергнуть достигнутое, забыть прошлое и пройти по миру ощущений как будто первый раз вообще попали в эту долину. Наивысшим достижением считалось искреннее желание отдаться краскам и понять их внутренний смысл и это у многих получалось. Постоянное состояние колебания, как маятник между достигнутым и желанным, приводило многих в восторг, давая возможность почувствовать себя богом хотя бы на это время. А что может быть лучше, чем дать человеку возможность прикоснуться до чего-то большого и великого, да и ещё при этом быть частью создания этого. Говорят, что искусство того, кто играл было в том, что он умел чувствовать людей в зале и играть для них, и их чувства были источниками красок, и благодаря этому у той же мелодии всегда были разные краски.

Зал был построен так, что пересечение сводов придавало объём. Музыка утренней симфонии, смешавшись с шёпотом камней, бежала, заполняя, собою пространство, сходясь в одной точке на верху, и оттуда уже она вместе с цветом прямо устремлялась вниз на тех, кто попадал на концерт, проходящий обычно ещё при солнечном свете раз в день. Всё было сделано так, что можно было сказать – “Здесь живёт мелодия. Но миром правят краски, и их величие ничто не сможет затмить». Но был ещё один источник ощущений, хранившийся в секрете внутри королевской четы, и передавался он в строжайшей секретности вместе с короной. Маг, в чьих руках была эта сила, появлялся в этой долине только тогда, когда заканчивал новую книгу. Он верил, что его магия с магией цветов смогут покорить мир, – просто ещё не пришло время. Где-то краски были фоном для музыки, где-то наоборот, но всё равно это не та сила воздействия, что держал он у себя взаперти.

– Ленад, лови. Голос прозвучал откуда-то издалека и в тоже самое время это было рядом, мужской голос, перекрикивающий всех собравшихся, продвигался в его сторону стараясь доказать своё превосходство над всей толпой. Звук чего-то разрезающего воздух приближался, что заставило всех обернуться.

– Твоим шуткам и забавам нет конца. Человек, кому принадлежал этот голос, выбросил левую руку вперёд и схватил летящий короткий меч в ножнах, сжав его своими пальцами, он переложил его в правую руку. Буквально через мгновение на кончике лезвия игралась солнце. Ножны в виде меча также были подняты вверх, и только в нескольких местах ржавчина говорила о том, что этот меч неизвестно, сколько времени пролежал там. Это был меч для тренировок в последний год.

Зал заполнили звуки ликования, и слово Ленад развивалось как флаг на башне в воздухе, слетая с уст каждого, кто в этот вечер решил отпраздновать очередной день рождения, своего будущего короля заполнял пустоту.

– Ленад, я горжусь тобой. Я твой слуга и самый преданный учитель в долине, мой король. Человек, положивший свои руки на плечи этого юнца, явно был доволен собой и рад тому, что он говорит. Наверно для него было придумано слово «лапа». Его рука была таких размеров, что многие просто боялись даже начинать с ним бой, плюс к этому рост, стремящийся

достичь потолка своими плечами. Он его не стеснялся, единственное неудобство он ощущал, когда входил к кому-нибудь в избу. Но последние лет двадцать он жил или во дворцах, где был личным преподавателем боевого искусства королевской семьи или в военном походе в шатре, специально сшитого народными умельцами.

– Мой учитель, я рад, что ты пришёл, пойдём я тебя познакомлю со всеми гостями.

– Извольте, мой молодой наследник, я готов сразиться с кем вы пожелаете, но все эти светские мероприятия не для меня. Я чувствую на них себя как кит на суше.

– Сегодня мой день рождения и я приказываю меня слушаться. Ленад смотрел весёлыми глазами на человека-гору и ощущал себя покровителем миров: так как даже такой человек как его учитель, который одним движением пальца мог его убить, слушался и пытался исполнить любое желание, обычно посещающие молодую голову весьма спонтанно.

– Мой дорогой королевич, я хочу тебе подарить сегодня меч, он принадлежит моей семье уже много поколений. Я его ни разу не вынимал из ножен, как покинул своё селение, прими мой скромный подарок! И если ты позволишь, я это сделаю. В голосе этого гиганта появились нотки волнения, судя по голосу, это предложение он очень долго обдумывал, но сомнение оставалось прежним. Он наклонил шею, чтобы спрятаться от взгляда Ленада (для него это мог быть приговор), но он его не боялся. Он верил, что искренность поступка, в крайнем случае, может быть недооценена. Он ещё с детства помнит надпись, что была выгравирована на лезвии этого меча «Ты победил, но я не чувствую себя проигравшим». Последний раз он его открывал ещё ребёнком. Потом этот меч ему стал как нож для охоты. Но всё равно, когда он покидал свой дом, отец подарил ему его. Сегодня у него было семь дочерей, и ему было неохота дарить эту семейную реликвию какому-нибудь зятю.

– Я приму твой подарок, и обещаю стать его достойным хозяином. На плечи учителю легли два меча: один в правой руке, а второй в левой. Через мгновение они взметнулись в воздух, пару пируэтов рассекли пустоту, как два танцора в паре станцевали синхронный танец друг напротив друга, и влетели в ножны одновременно, будто ими владели два человека, но это был один, и его звали Ленад.

Пометки на полях... Нужно научиться видеть там, где другие слепнут. Или если сказать словами Евы – «Я хочу побеждать там, где другие уже признали своё поражение». Она была права, и Анил настаивал на том, чтобы её понять как героя лучшие, нужен параллельный мир. Где мы бы смогли её настойчивости дать другую жизнь. Но нам не разрешили и приказали сконцентрироваться на долине Дестино, где бушевали не только настоящие страсти, но и предвиделся большой переворот судеб.

Не согласившись, мы продолжили. Так как от нас не требовали полных отчётов сюжетных поворотов, мы их передавали при помощи самих героев. Так было и здесь. Заглядывая вперёд, я не вижу больше глав отражения, наверно Анил их просто не передал или сохранил для себя. Но вот с календарным исчислением все в порядке, у меня на цифры плохая память, так что каждая дата в рукописи для меня огромная подсказка. Вообще конечно я не знаю, зачем я это все делаю. Читая это, я словно ковыряюсь у себя в ране, нет не из-за того, что в долине произошло и не то, что меня ещё раз попросили стать участником заговора – мне больно, просто я стал другим, а ситуация осталось прежней.

Вторая глава

1973 от начала рукописей, 5013 от нашего появления на этой планете 14 дней после начала описания проекта

У страстей есть один враг – терпение и один палач – время

Рич летал как на крыльях, пел, ощущал необыкновенный прилив сил и забытую истому. Предвкушая, словно перед сражением, встречу с несравненной Евой. От полноты чувств, в его голове заиграла музыка, разбудившая весь мир вокруг него.

– Наконец всё наладится! Я чувствую себя так, как будто иду на свидание впервые в жизни! – Рич погладил Стажа, сидевшего рядом.

Я сегодня пойду один. Ты остаёшься за старшего в моей спальне, – Рич попытался поймать и приласкать пса. Ему показалось, что его четвероногий друг, его не одобряет.

Рич погрузился в воспоминания детства. Вспомнил он и свои бессонные ночи после случайных прикосновений к Еве: к её шеи, рукам и талии. Детскую дружбу с ней вскоре сменило чувство юношеской влюблённости, что переросла со временем в истинную любовь. Рич уже не мог помыслить о существовании их друг без друга. По крайней мере, так ему казалось тогда.

Его любовь к Еве была искренней и на его счастье ответной. Даже большей, чем он мог представить. Она была в его жизни первой и единственной женщиной. Когда они поцеловались впервые, он ощутил себя мужчиной. Самое главное, Рич никогда не чувствовал в ней фальши. Даже, когда они поругались и их отношения разладились, он искренне верил в слова Евы. И где-то внутри он конечно с ней соглашался, но не мог этого показать. Слабость характера не позволяла найти ключ к двери в другой мир: признаться ей, что она права.

Король уже мечтал о будущем свидании. Он представлял себя на королевском ложе в опочивальне рядом с Евой, ощущал на расстоянии её дыхание, и запах тела. Аромат, пробравшийся в фантазии, нежно обволакивал. Возбуждал желание и он не только хотел, а жаждал взять её, как раньше.

Рич открыл дверь и вошёл в гардеробную. Здесь висела его одежда на все случаи жизни, которую полагалось носить по этикету и стояло огромное зеркало во всю стену. Рич всмотрелся в зеркальную поверхность и с удивлением для себя обнаружил в нем давно забытое Отражение. Из зеркала улыбался красивый мужчина, – счастливый человек с огоньком в глазах. Рядом с ним вскоре в зеркале появилась морда охотничьей собаки и залаяла, приветливо размахивая хвостом, – это было Отражение Стажа, его четвероного друга.

– Прости меня, мой друг, но сегодня только мой вечер. Мой, и только мой! – радостно воскликнул Рич, и побежал к вешалке с изумрудным камзолом и брюками клёш. Рич сегодня должен был выглядеть просто превосходно. – Сколько лет я ждал этого дня! – А, что если это ловушка? – испуганно прошептал он, нахмутив брови, обращаясь к своей собаке. Стаж тихо опустил голову, будто хотел сказать, да, и, поджав хвост, прыгнул на его постель, уткнувшись длинным носом в его рубаху.

Я знаю, – ты не любишь нашу королеву! Ты просто с ней познакомился, когда она была в печали, – король разложил свою одежду на постели и принялся натягивать брюки. Через пару минут он был одет: и расправлял манжеты на руках.

Вечер вступил в свои права. Освещение во дворце перешло с ярко-солнечного на факельно-тусклый. Король закрыл дверь на ключ (чтобы пёс не смог пойти за ним) и отправился в ту сторону замка, где располагалась опочивальня королевы.

...

Ева прекрасно понимала, что пригласив мужа к себе, она сломает стену недоверия и отчуждённости и даст ему возможность поверить в то, что всё ещё можно в их отношениях наладить. Жестоко и несправедливо по отношению к мужу? Её сейчас меньше всего интересовали вопросы этики. Она страстно желала любым путём получить то, что ей принадлежало по праву.

Да, можно всё наладить и забыть. Слушать утром симфонию, а ночью наслаждаться Ричем как мужчиной. Она знала, что он по-прежнему хорош и с годами не мог стать хуже. От одной её мысли и воспоминаниях о ночах проведённых вместе, и выносливости её мужа, она приятно содрогнулась. Ноги её потеряли опору, и ей захотелось сразу присесть.

Но, не за этим она сегодня позвала мужа в спальню, хотя близость с ним могла стать её оружием. За эти долгие годы, что они не были вместе, она многое успела позабыть. Это был её выбор, печаль, забрав её к себе, отодвинула всё на задний план. Сначала для королевы это было тяжелее всего. Со временем, отодвинув отношения с мужем в прошлое, она затолкала свои воспоминания об их любви так глубоко, что они перестали мешать, ей жить. Ева понимала, если она даст королю прикоснуться к себе, разрешит ему взять, себя что-то случится. – А почему бы и нет? – королева передёрнула плечами. Оскорбить его она не оскорбит, а близость, может быть, поможет их разговору. – Но, придётся терпеть его до утра, иначе ничего не добьёшься. Ева вздохнула. – Как же тяжело решиться! – Она металась между двух островов, построенных ей самой.

Если у меня нет выбора, – время найдёт правильное решение. Оно точно знает, – что делать. Ошибок не бывает, только просчёты или опоздания. Подумав так, Ева облачилась в чёрное атласное платье с кружевами. Надевая наряд, она заметила, что на пальцах рук её осталась краска.

– Пока его нет, можно руки помыть и перекусить. Кто знает, может времени поесть не будет! – королева подошла к сервированному столу, и вытерла руки специальными салфетками для краски.

Вы на сегодня свободны, – сказала она своей служанке. – До утра. Добавила она, – и попыталась сама себе налить горячий суп.

– Моя королева! Картину лучше накрыть, – девушка с широкими, голубовато – прозрачными, постоянно ищущими себе приключения глазами, стояла напротив госпожи и ждала приказаний.

– Картину? – Нет, пускай видит. А вот волосы свои золотые, – прикрой при выходе. Помахав рукой служанке на прощание, – она зачерпнула из кастрюли очередную ложку горячего куриного бульона.

– Но, вы же обещали, что её никто не увидит! – пробормотала у выхода служанка. У неё был чёткий овал лица, – будто его кто-то специально выточил. – Вы обещали, вы помните? Бросая на прощания слова, сморщив аккуратный, но немного приподнятый носик, от произнесённой фразы, словно она была специй для острого супа, тихо закрыв дверь, она удалилась. Она попала к королеве ещё маленькой девочкой и начинала она с того, что просто подносила вещи, когда королеву одевали. Для неё замок был вторым и единственным домом на сегодня, а королева была не просто близким человеком в Долине, но и единственным, которого она любила, не требуя ничего взамен. Даже когда ей дали другое имя и ей оно не понравилось, она промолчала и быстро с ним смирилась. Нажда, так её звали теперь при дворе. – Нажда, принеси, Нажда, подай, Нажда унеси или просто Нажда, уйди. Это всё, что она слышала каждый день. Но веря, что у неё судьба избранной она была довольна и счастлива как ни кто в замке.

– Если обещала, – постараюсь выполнить! – Всё, моя дорогая! На сегодня всё. Наде ничего не оставалось, как поклониться и уйти.

...

Если свету хотят дать святость, почему-то получается обычно одна непристойность. Наверно сам процесс обычно под давлением одних положительных изначально эмоций ищет, как сам себя покрасить более тёмным цветом. Как мужчина, истосковавшийся по чистым линиям женского тела, я бы отдал наверно всё, чтобы это было у меня в комнате. Но вот как муж женщины нарисовавшей это, мне бы хотелось спросить, почему именно они. Про себя подумал король.

Их формы были на столько, идеальны и реалистичны, что Ричу хотелось протянуть руку и притронуться к рукам этих женщин, или даже потрогать обнажённые груди всех восьмерых сразу. Он даже уже мысленно стал выбирать ту, что ему бы подошла больше всего. Как-то интуитивно, выкинув руку вперёд и открыв свою ладонь, стал ждать, пока одна из них спустится с полотна, на пол оперившись на него.

Это всего лишь была картина, что нарисовала Ева. Она увлекалась этим с детства. Это полотно было переполнено красками жизни и радости, так не хватавшей ей в реальном мире. Все восемь женщин были прекрасны. У каждой был свой оттенок кожи и разные глаза не только по цвету, но и по разрезу и форме. Но все улыбались сидя в самых разных позах на фоне водопада и гор вдалеке. Животных не было вообще, будто специально, чтобы каждый смог бы сконцентрироваться только на этой восьмёрке, неотразимых украшений долины. Прозрачность воды и горного воздуха умело переданного Евой ещё больше подчёркивало и выделяло блеск сверкающей на солнце кожи.

На них не было одежды, но каждая стояла, сидела или лежала так, что о полных прелестях каждой из них стоило только догадываться. Что делало эту картину ещё более привлекательной. В общем, все восемь прекрасных жриц излучали свет, наполненный личным удовлетворением и какой-то интригой. Без неё не может ни одна женщина тем более, когда она красивая и об этом знает. – Странно, это фантазии моей жены или реальные девочки с моего королевства. Громко и с какой-то иронией произнёс Рич.

– Тебе на самом деле это интересно? Или ты не знаешь с чего начать разговор? – Ева появилась бесшумно, приоткрыв дверь своей спальни. – Ты не заходил сюда уже так много лет.... Я даже считаю неприличным твоё появление здесь.

Ну, я бы не зашёл сам, – ты же меня пригласила сюда. И давно у тебя эта картина? – Рич как бы невзначай указал в сторону восьмерых прекрасных жриц, и присел на краешек кровати, опершись на неё двумя руками. Знакомый запах свежего белья настырно пытался пролезть в ноздри и достучаться до памяти короля... уже давно потушившей в себе не только огонь, но и залившей угольки страсти слезами.

Да, я решила с тобой ещё раз поговорить.... Пару дней назад ты так красиво ушёл от темы... Спорил со мной, приводил убедительные доводы... – Ева передвинулась на стуле, и расположилась прямо под картиной.

Рич присмотревшись к девушкам на картине, неожиданно для себя открыл очень интересную вещь: все восемь женщин – копия его жены, словно они были родные сестры. Отличал их только цвет и форма глаз.

Её ещё совсем, детские черты с широкими, голубовато – прозрачными постоянно ищущими себе приключения глазками могли любого привести в восторг. Щёки были немного надуты, там, где должны быть ямочки улыбки, нарисовались бугорки, придав лицу вид подростка. Золотые локоны волос нежно окружали чёткий овал лица, обрамляя свою хозяйку ореолом притяжения.

– Она прекрасна... картина! – я себя и рисовала, – сканируя мысли мужа, тихо произнесла она строгим голосом.

– Ты о чём? – Рич пытался скрыть свою неловкость.

– Рич! Я так давно с тобой знакома.... Кажется, твоё появление на свет имело лишь одну цель: испортить мне жизнь. Я тебя вижу насквозь, и знаю лучше, чем ты сам себя. Ева подошла вплотную к своему мужу и посмотрела ему в глаза.

Она не чувствовала ничего. Более того, её напугала мысль о полном отсутствии какого-либо желания что-либо изменить. Только полное равнодушие и холод, заставляющий всё вокруг умереть... витал вокруг.

За время ссоры, королева научилась созерцать жизнь, но не жить. Время не шло, а бежало, но ничего не менялось. Ева надеялась на картину, но она, увы, ничего не изменила. Картина ещё больше расширила границы пустоты вокруг. Отступление, – стало большим, чем поражение. Она потеряла в себе женщину. Ту женщину, которой родилась. Любой голод, это всего лишь призыв к поиску пищи, а непотребность его удовлетворить.

– Ева, что опять ты задумала?

– Просто хочу побыть с тобой наедине. Без охраны, без твоего пса. Я и ты.

Их глаза встретились. Хватило мгновения, чтобы они смогли передать друг другу всю боль и страсть, накопившуюся годами, лежавшую в туннелях одной общей души.

Неподдельный страх, мимолётный испуг, последняя, отчаянная попытка найти и вернуть себе самое дорогое... была обречена. Лишь горечь и злоба, ненависть и угроза в одно мгновение зажглись в глазах и потухли.

Это ты, мой Рич? Мой желанный! Мой мальчик и мой единственный мужчина? Родной, известный мне до последнего сантиметра тела? Любимый! Обожаемый просто за то, что есть? Неужели это ты смог поднять и пробудить во мне такую злость и ненависть? – Не верю!.. – Хочешь, скажу тебе, о чём ты думаешь сейчас? – королева стёрла с лица маску страдания и отчаяние, поселившееся на её лице. Брови её приподнялись и попытались сойтись на переносице, придав строгий вид. Ухмылка, пренебрегающая правилами приличия, изменила выражение и застыла в ожидании ответа.

Да, хочу. Так как я точно этого не знаю, – он глубоко вздохнул. Вздох подтвердил его растерянность, и полное отсутствие планов даже на ближайшие пять минут. Ева промолчала, поймав сверлящий взгляд короля. Муж будто буквально пытался изучить каждый сантиметр её тела заново. Именно этот взгляд ей и нужен был сегодня. На королеве была надета длинная прямая юбка, подчёркивающая талию. Открытая блуза светло-жёлтого, солнечного цвета пыталась ослепить Рича. Он уже не мог отвести глаз.... Взгляд короля застыл прямо там, где заканчивались пуговицы, и начинался разрез, чётко выделяющий грудь.

Ева, почувствовала на расстоянии его дыхание и представила себе, как Рич гладит и целует её ноги. Она сильно захотела вернуть это забытое сладостное ощущение сегодня ночью. Рич ей нужен был другим, – она это знала... После таких ночей всё могло бы измениться. Хотя королева умело манипулировала мужем, она заставляла принимать его правильные, нужные ей решения на утро следующего дня, в шутливой форме угрожая ночью оставить короля одного в постели.

Рич взглядом облизывал изгибы её тела, не пропуская ни одной ямочки. Его глаза ласкали её плечи и груди, открытые в этот вечер специально для него.

Королеве захотелось поскорее ощутить его руки и губы....Она почувствовала, как напряглась и загорелась желанием близости.

Рич почувствовал, как затряслись его руки. Он был перевозбуждён. Длинная пауза в отношениях сыграла с ним жестокую шутку, притупив чувства... Но, она не смогла погасить его животную страсть.

– Прекрасно! Мне он таким и нужен! Неуправляемый и жаждущий. Ева была сегодня особенной, и это его заводило ещё больше. Пытаясь скрыть свою дрожь, – Рич попытался дотянуться до её руки, страстно зашептав: – Я тоже хочу быть один на один с тобой сегодня, милая! Давай сбежим, как раньше!

Она не торопливо встала и направилась к своему мужу. Несколько мелких шажков превратились в вечность. Рич не то, чтобы истосковался по ней за время долгого молчания... Он жаждал одного, – поскорее обнять свою Еву, и дать, наконец, рукам полную волю. Король не понимал, зачем сдерживать страсть, для чего выдерживать такую паузу? Зачем укрощать желания? Может быть, он не верил, что страсть вернулась?

Даже не хотел думать. Хотя был уверен, что королева чего-то попросит. Но, так устроен мир. Не он, его таким сделал.

– Да, я хочу, чтобы ты сегодня мной овладела, и я добровольно капитулирую. Дай же мне прикоснуться к тебе!

Рич почувствовал, что кто-то сзади пытается ещё ближе соединить их тела и давит ему на спину: объятия королевы плотным кольцом обвили его. Всё это и пугало и радовало, заставляло работать мозг в миллион раз быстрее и в то же самое время расслабиться полностью и забыть все обиды.

– Представь, Рич! Я для себя уже решила, что этого не будет никогда, – прошептала на ухо она. – Я была почти уверена, что сегодня я тебе покажу картину, и ты как обычно уйдёшь к себе.

Молчи, Ева! Давай завтра мы скажем, что ошиблись и ты меня попросишь, о чем хочешь. Но, это будет завтра утром. – Обняв жену ещё сильнее, проговорил Рич.

Король ещё больше оголил её плечи и притронулся своими губами к нежной коже. Носом, уткнувшись в её шею, вдохнул аромат. Её запах нежной стружкой нёс в себе желание обладать и любить. Рич закрыл веки, лишив глаза света и начал по-новому собирать смешавшиеся запахи, заполнявшие комнату: масляных красок и душистого аромата розового мыла... Благоухание неизвестных духов и специй пьянил и восхищал. Само слово “хочу” было лишнее. В воздухе растворился аромат страсти. Близость нужна им обоим, и они это знали.

– Мне бы, я же... – она по-прежнему пыталась бороться. И, как-будто в испуге, закрыв глаза, говорила несвязанные слова, подтверждающие её беспокойство. – Я ещё не знаю...

– Тогда я... можно буду обладать тобой сегодня ночью? – тихо попросил Рич.

Можно, – ответила она, подумав. – Ты не изменился и немного самоуверен. Таким ты мне и нужен.

Не смотря на то, что она желала получить своего мужа назад, она боролась со всей отталкивающей силой ненависти к нему, скопившейся за долгие годы. Сейчас Ева уже не могла в себе подавить животную страсть, и не могла думать ни о чем, кроме того, как можно скорее помочь Ричу освободить себя от одежды и упасть обнажённой с ним рядом. Не надо никуда ехать, прямо на их постели, что была, когда то центром вселенной для них обоих. Если бы он ей сейчас отказал в близости, она бы его умоляла, – да что там умоляла, упала бы в колени...

– Может быть, моя картина и фантазии обоих возбудили весь этот фейерверк чувств? – не хотелось бы в этом сейчас разбираться. – Хочу, чтобы меня хотели, и хотели прямо до утра!

Весёлый, воздушный летний вечер попытался отметиться перед уходом в окна замка. Сероватые сумерки подмигнули прозрачному безоблачному небу, дав последний шанс зажечь во дворце свечи и приготовиться к ночи.

Двум людям в долине свет уже был не нужен. Они зажгли его в своих сердцах, осветив дорогу к вечному наслаждению.

...

Солнце давно прибрало к рукам ночные тени и заправляло на небесах. Пробравшись в каждый дом, заставило погасить свечи и факелы... Жители долины давно проснулись и вышли на улицы. Кроме короля и королевы в замке. Эти двое все ещё спали, и им неведомо было, когда ночь сменилась на день

Долина придалась дневной суете. Короля и королеву никто не искал и никто не будил. На выходные даже им полагался отдых.

Проснувшись, Ева посмотрела на Рича и попыталась понять своё тело. Забытая истома и усталость полностью завладела ею. Жалость, которую она испытывала к мужу, перекрыла все входы и выходы для её чувств, и руководила ей. Надежда на то, что после ночи любви он скажет ей да, – вдохновляла её. Она не сомневалась, что поступила правильно. Ей было хорошо. Редкие покалывания-позывные пробегали по всему телу и отодвигали все сомнения в сторону.

Даже во сне Рич после стольких лет семейной жизни мог её возбудить и заставить задержаться в кровати ещё на какое-то время. Она могла очень долго лежать рядом и ждать утром, пока он проснётся для того, чтобы ещё остаться с ним в постели. В воспоминаниях королевы звучала его песня. У короля был чудесный голос, и она любила, когда он пел. Это был нежный, ангельский голос при его звучании даже птицы замирали, он открывал новый мир ощущений. Ночью он опять воспользовался этим инструментом. Он не пел, он говорил – но его было так приятно слушать. Тело заставляло отдаться не думая, ни о чём.

– Рич, проснись! Это не прилично так долго спать в чужой кровати. Почему я сказала чужой? – сама не знаю. Наверное, какой-то внутренний призыв, сформировавшийся за эти годы собственности, взял верх. Одно преследовало её страх отказа.

Даже в ночи она представляла лицо Рича с прищуренными глазами, сузившимися от испуга. Она представляла себе его попытки обмануть её и скрыть правду. На лице его будто было написано: Я обещал, но мы не сможем это выполнить. Ей было жаль себя. И ей было обидно за то, что она ещё по-прежнему его любит. Или возможно она была просто привязана к человеку, для которого долг перед народом превыше всего. Ради своего народа 20 лет назад король отдал то, что было ей дороже всего на свете, и сегодня король не хотел рисковать.

Скорбь в одно мгновение сменилась на уверенность. Королева призналась себе, что у неё нет другого выхода. Она представила лицо человека, чьё лицо рисовала миллион раз у себя в мастерской. Уверенность и сила-вот, что двигало её вымышленного героя. Он был благороден, мужествен, обязательно с зелёными глазами как у неё и излучающими любовь и спокойствие. Любовь и желание обладать тем, что по праву принадлежит ей-вот, что продвигало её к цели.

От собственных грёз ей стало радостно и спокойно, и с этим ощущением полноты она опустила голову на подушку рядом с Ричем, шепча себе под нос – Жаль, мне очень жаль тебя мой дорогой, но ни я, а ты выбрал этот путь для меня.

Что ты там шепчешь сама себе? – произнёс Рич, пытаясь рукой обнять Еву. Повернувшись к ней и посмотрев на неё сверху, он пытался не думать о том, что произошло этой ночью. Было хорошо. Просто очень хорошо, а всё остальное не важно.

– Ты наверно, хочешь есть?

– Ты ещё помнишь, что мне надо с утра позавтракать? – продолжаешь приятно удивлять, – моя королева!

– Всего лишь 20 лет прошло.

– Ну, нет. Меньше. Нашему младшему 10.

Это ты считаешь.... Дети от этого были, ты прав, но не более.

Ева вскочила с кровати, на ходу накидывая прозрачную тунику и подвязывая её на талии. – Ну, твои любимые блины я вряд ли сейчас буду просить кого-то сделать. – Хлеб с молоком могу предложить.

– Скажи мне честно, причину моего присутствия здесь может быть мне открыта? Рич, пожалел о том, что спросил, но было поздно.

– Голод, голод мой дорогой король. Она повернулась к нему с кувшином и отломленным хлебом так, чтобы он видел её всю. Ей хотелось ощутить на себе ещё раз взгляд его голодных глаз. – При свете я лучше. Правда?

– Да.

– Скажи! Ты хочешь это всё вернуть? Я лично об этом мечтаю. Ева стояла по-прежнему от мужа на том расстоянии, чтобы дать насладиться собой только взглядом и дать волю его воображению.

Хочу! Правда, я понимаю, мне предстоит услышать условия перемирия. Если это будет продолжением нашего разговора, произошедшего в день рождения наследника, то я сразу отвечу – нет. Я уже объяснил почему, – Рич стал догадываться, ради чего была устроена эта ночь. Ева стояла рядом, он слышал её прерывистое дыхание. Оно ни чем не отличалось от того, что он слышал ночью, только было немного спокойней.

Душа его и тело, переполненные счастьем ещё минуту назад опустели в одно мгновение. Он даже не думал, что любовь в ночи произведёт на него такое впечатление, и сейчас ему нужно было с этим ощущением проститься и забыть. Растоптать, выкинуть, как ненужную перчатку. Он попытался дотронуться до Евы, но та сделала шаг назад, давая понять, что игра закончилась. Она смотрела на него прямо и открыто, на лице была маска скорби. Королева скорбела о нем, и он это понял. Увидев отчаянный взгляд мужа, его потерянные глаза королева спокойно произнесла: выбор за тобой Рич. Свой я сделала уже.

– Нет, ты не можешь так поступить со мной.

– А как? Бросить тебя и самой пойти к нему? Я предлагаю встретиться и поговорить. Стена стеной, но это же не значит, что это невозможно!

– Ева! Стена выросла не потому, что он нас просто боится. Ему нечего бояться. Подарив нам свою симфонию, Атикин нас всех разоружил, и мы стали его пленниками. И поэтому он не отдаст нам то, что ты хочешь! Никогда! Поверь мне.

– Я верю, только своему сердцу Рич, – с глубоким отчаянием, королева попыталась подавить в себе скорбь.

– А наши остальные дети? – король попытался поймать её взгляд. Он сел на кровати, свесив ноги вниз так, чтобы не касаться пола. По-прежнему его глаза старались рассмотреть под туникой её грудь.

– Наши дети? Подарив мне их, ты, Рич изначально заставлял меня их ненавидеть. Эту ненависть ты мне прививал своей любовью к ним. Каждый раз ты пытался заставить меня забыть... Но, как можно забыть? Если не дышишь, – умираешь. А я ещё пыталась глотать воздух и этим горжусь. Устала. Не хочу так. Желаю полной грудью вдохнуть воздух. – С этими словами она раскрыла руки и расправила плечи.

У тебя есть куда сделать вдох, согласен. – Рич рассмеялся и пожалел об этом вновь. Не та ситуация, что можно исправить при помощи шутки. Он уже не смотрел на неё, хотя очень хотелось. Её тело было по-прежнему красиво и могло привлечь любого.

– Мне... Мне уже не кажется. Я уверена, так жить нельзя. Это не честно не только по отношению к нам, но и к нему.

– Может, его легче оставить в его неведении? Он там счастлив и ему там хорошо. Может быть, твой эгоизм принесёт в его жизнь только беду! Ты об этом не думала? – Рич надеялся на смену ситуации и понимание.

– Вон, вон с моей комнаты! – Вдогонку крику Евы, в короля полетел хлеб, и струя жирного молока обдала ему лицо.

Рич тихо опустил ноги на пол и поднялся с брачного ложа. Увидев скользкий взгляд королевы по его обнажённому телу, король улыбнулся. Собрал брошенные на пол вчера ночью вещи и медленно одеваясь, произнёс.

– Не ты, не я вправе решать судьбу человека, к которой мы вообще не причастны. Одумайся! Я тебя прошу.

– Вон! Уйди я тебя прошу, – она с глазами переполненными слезами уже ничего не видела. Пелена злости и обиды окутала её.

– Ева, согласись. Нам стоит изредка делать шаг назад, чтобы понять, что нас ждёт впереди. Я согласен и понимаю твои проблемы, но считаю, что нужно думать о тех, кто рядом с тобой сейчас. Он подошёл к ней и попытался её снова обнять. Королева не сопротивлялась.

– У тебя на душе пустота, милый! И ты пытаешься её скрыть при помощи самообмана. Но, в другом проблема. Ты предлагаешь это сделать и мне. Нет... Нет. Этого не будет никогда. – Оттолкнув его от себя, уставшим голосом произнесла королева.

– В тебе поселилась тоска. И ещё что-то. Что именно, я не могу понять все эти долгие годы. Ты забросала колодец моей души камнями. Всё хорошее, что было между нами, ты уничтожила. Меня, своего супруга, ты прогнала не только из супружеской постели. Вырвала из души своей, как самого большого злодея в долине! – Рич стоял посреди спальни и изливал Еве свою боль, осознавая всю свою невозможность достучаться до её сердца.

– Иди Рич! Ты я думаю, всё сказал. Ты прав в одном. Во мне живёт ещё что – то, что тебе не понять. Иди Рич, тебя ждёт твой народ и твои дети.

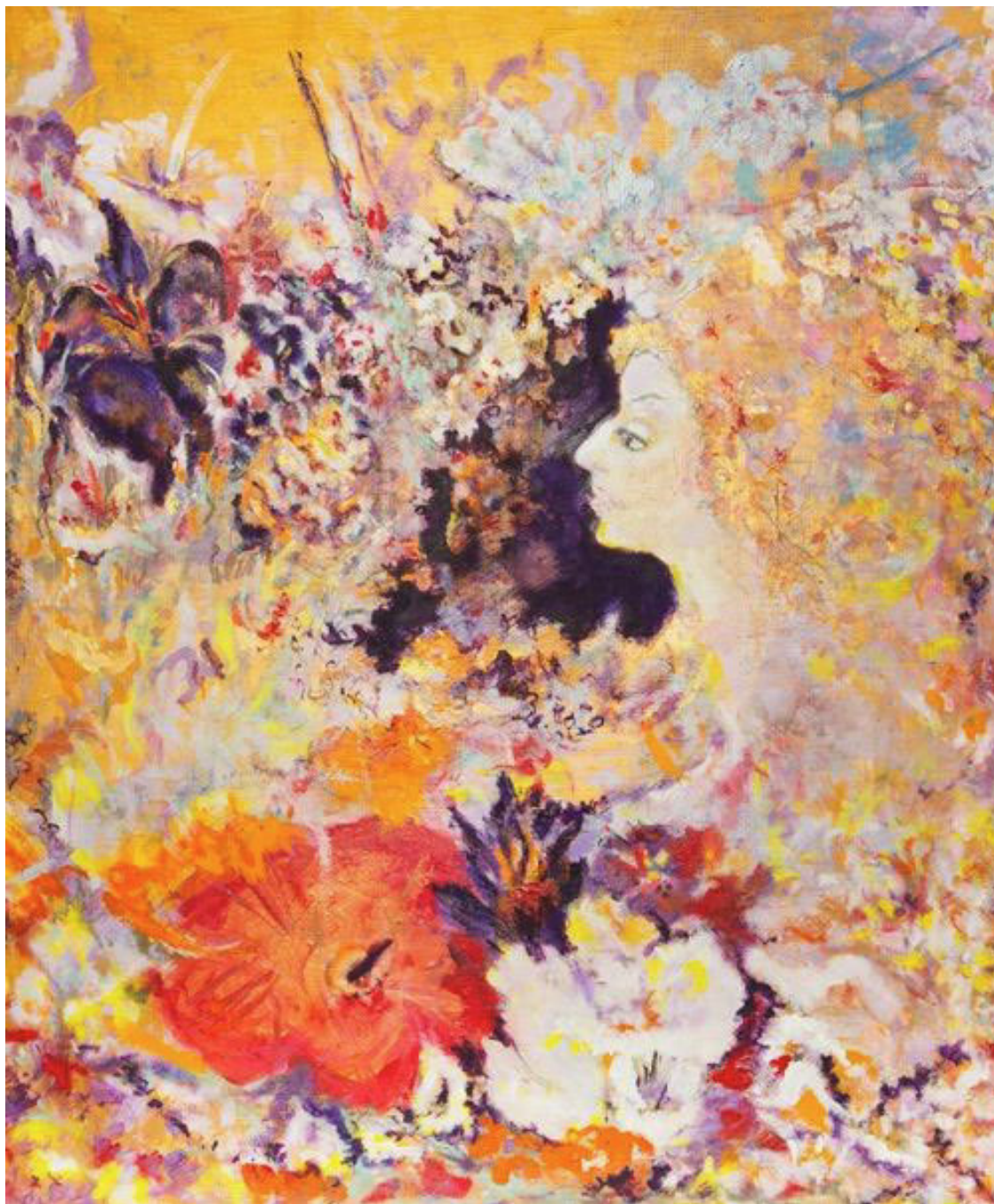
Ева подошла к шкатулке, нажала кнопку на её боку, и неизвестный механизм открыл верхнюю крышечку. Совершенно ни на что непохожая мелодия, музыка страсти и рвения, шторма и грозы прошлого и настоящего заполнили комнату. Ева взяла в руки лежавшее внутри шкатулки письмо, и в очередной раз попыталась его прочесть. Бумага, зашуршав в её руках, приобрела вид листа, на котором в долине писали письма. – Нет, я ещё не готова это прочесть. Может быть, предать письмо огню и покончить с этим навсегда? Нет, он прав, это иная музыка, возвращаясь к шкатулке, размышляла она. – Когда я буду готова, в очередной раз всё это прочитать надеюсь, я буду уже далеко от этого города. – Неутолимая жажда продвигаться вперёд захлестнула Еву.

Подойдя к окну и открыв витраж, она посмотрела на город, где родилась, выросла, влюбилась, стала девушкой и женщиной. Её мужчина возвёл на трон, возвысил над этим городом и над всеми здесь, но не смог дать одного: мелодии, что успокоит её душу и чувства. Сделает её обыкновенной женщиной для своего мужчины. Может быть, он был прав?

Через открытое окно пробрался морозящий дождь. Воздух наполнялся прохладой и влажностью, будто чьи-то невидимые холодные руки притрагивались к её обнажённому телу, пытались расслабить после ночи. Мелкая дрожь, пробежала по телу королевы и остановилась где-то около живота, напомнив ночные страсти и наслаждения. Небо становилось всё темнее, предупреждая о будущем ливне. Окрасившись в тёмно-серый цвет, небо приобрело зловещий вид. Как воинов перед битвой оно расставило дождевые облака по флангам. Небеса невидимой рукой дали отмашку, и тучи выстрелили первую порцию дождевой картечи, накрыв город.

Во время грозы город становился более мрачным и суровым. Все жители отдались тоске и ждали с надеждой, что дождь скоро закончится. С нарастающими порывами ветра и дождя королеву посетило чувство одиночества. Её душу, где раньше жила музыка сердца, гремел гром и полыхала гроза.

– Я хочу! Мне это надо! – закрыв окно и продрогнув до конца, признала сама себе Ева.

1973 от начала рукописей, 5013 от нашего, появления на этой планете 18 дней после начала описания проекта

Не стоит искать правды, где одна ложь

Двери в зал распахнулись и по очереди сюда стали заходить восемь жриц. Привычные ноты исчезли. Звуки стали противоречивы. Гармонию сменила какофония. Она поглотила мелодию, живущую внутри замка. Отрывистые боевые звуки, вернули жриц на много десятилетий назад. Страх, прокрадывшийся в душу Рича, был способен вытащить самое сокровенное, но он ещё боролся, старался не отдаться какофонии до конца. Каждая из жриц держала меч поднятым вверх. На лице женщин не было румян. Они были выбелены до жемчужно-белого цвета. Лица пугали своей мертвецкой белизной и полным отсутствием в них жизни. Вся процессия напоминала сход статуй, искусно высеченных из мрамора. Будто невидимый мастер привёз их в королевские покои и расставил в каждый угол по одной, как на парад. Этот ритуал нёс в себе отпечаток прошлых веков, начинал пугать Рича, хотя он старался изо всех сил взять себя в руки. При его малейшей попытке сказать хоть слово, одна из восьми жриц открывала свой мраморный рот и, перекрикивая его, произносила заклинание.

– Тот, кто не может позволить себе проиграть, никогда не выиграет! – произнесла одна из жриц и воткнула меч в пол. Остриё меча, коснувшись пола, прошло насквозь, будто он был уложен деревянным паркетом, а не мрамором. Тишина победила. Музыка исчезла. Она даже не пыталась бороться, а скромно удалилась, разрешив подняться другим страстям.

Рич попытался встать, но невидимая сила держала его прикованным к трону. Он почувствовал как тягостные мысли о жене и сыне овладели им. Мысли о себе и королева вызвали у него чувство стыда. Не было сил бороться, не было и возможности сопротивляться. Неведомая сила излучала тёмную магическую энергию, завладев пространством до конца. Свет был виден только через плотно-занавешенные окна. Луч солнца гулял по стенам и потолку. Он не давал тепла, не согревал, лишь с трудом светил. Где-то между сознанием и реальностью рушились один за другим мосты. Надежда и ощущение внутреннего тепла затаились и просто согласились (как на суде) с приговором, замерли в ожидании последних слов судьи.

Последний шанс, что всё это производное его страха и не более ещё оставался. Король понимал, что власть в королевстве может забрать лишь Ева, при условии, если она переманит всех жриц на свою сторону.

По условиям ритуала жрицы должны были признать королеву владыкой, но при этом все они должны были собраться в одном месте и объявить об этом решении в один голос. Страх короля начал преследовать после последнего свидания с Евой.

Ощущение предстоящей бури усилилось. Сегодня никакая мелодия уже не могла освободить короля от страха, как бы он не пытался. Рич не мог освободиться от навязчивой идеи, что его жена может устроить во дворце переворот, и он уже не в силах что-либо изменить.

...

Верный пёс короля, нарушив церемонию, ворвался в зал следом за жрицами, и не понимая смысла происходящего, принялся громко лаять. Стаж зарычал, показывая свою решимость до конца бороться за своего хозяина. Буквально через пару мгновений он успокоился, а ещё через минуту свернувшись калачиком, прилёг у меча, водружённого в пол как монумент в честь победы.

– Пытаясь понять себя, я должен, прежде всего, понять своих врагов! – это единственный верный путь без примеси лжи. Это единственная возможность пролить истину и подарить

себе свет, без того, чтобы опознать тьму. Но, невозможно узнать свет, не зная, что такое тьма. Это просто невозможно.... А ты хотел обмануть не только себя, но и нас, – жрицы говорили туманно, но смысл их слов один – истина.

Рич понял: это не просто обвинение. Он не мог ни спорить, ни противостоять. Меч, находившийся в руках, был отпущен, и он поднялся в воздух, где начал раскачиваться как маятник часов.

– Надо срочно проснуться. Иначе я погиб, – прошептал король.

Только он сказал эти слова, как страшная боль вернула его в реальность. Боль была в грудной клетке. Помутнело в глазах, свет исчез, звуки ушли. Он потерял сознание.

Очнувшись на полу, Рич услышал голос: Не вздумай плакать! Это вообще не обсуждается. Да и один на один не поможет. Он ещё жив? Я вижу его тело разорванно, но душа с ним? – эта фраза заставила его, полуоткрыв глаза, осмотреться в комнате в поисках нарушителя тишины и своего спасителя.

Что ты так беспокоишься! Не бойся! Никто не сошёл с ума. Чтобы кто-то помешался или умер от меча в груди? Здесь? Я не видал такого. А как ты насчёт того, чтобы подружиться?.... Голос стал отдаляться. Рич никак не мог понять смысл слов. Они потерялись где-то среди миллионов нейронов серого вещества, сосредоточившись в отделе, отвечающем за память.

– Это не преимущество, – это проклятие, – слова слетели с уст жрицы, стоявшей без меча в руках.

Боли не было, да и крови не было. Рукоятка меча торчала из груди. На неё можно было даже положить руки. Внутри не болело. Что-то странное пыталось завладеть его душой. Подсознательно он ещё мог что-то предпринять, чтобы спастись, но физически он был парализован. Только сейчас Рич понял, что пригвождён мечом к трону. Он прошёл легко, будто его тела и не было, воткнувшись в спинку.

– Чувство боли самый верный путь к освобождению от неё. Одна из жриц бросила меч в его сторону, но на середине пути он исчез. Слова усилили боль. Буквы по отдельности картечью пробежали по телу, концентрируя боль вокруг сердца. Время остановилось. Главное, чем оно занималось, – наказывало тех, кто пытался его поторопить. Беспокойство сменилось всплеском энергии, несущей в себе надежду, что ему придут на помощь, и он опять услышит музыку.

– Всегда есть время восхищаться и время разочаровываться. Придаваться поиску и скорбеть о потерях. Время осознавать приобретённое и растворяясь в суждениях. Время для пламенной любви и время для ненависти. Время для бесчисленных боёв и полной идиллии и мира. К какому времени ты обращаешь свой взор? – спросила жрица пленника. Её слова были навеяны ощущением ненависти к тому, кому адресовались. Она подняла руки вверх, приподнявшись на носки, будто пыталась взлететь или просто исчезнуть. Ответа никто не ждал и не требовал. Музыка полностью покинула тронный зал. Время пламенной любви и ненависти, перемешавшись, заполнило зал ощущением тревоги, затмив всё вокруг. Малейшее осознание причастности к происходящему испарилось, оголив нервы до конца. Только меч раскачивался маятником в тишине, создавая движение под этими сводами. Ничего и никто уже не мог помешать участи Рича.

Где же королева? Почему её здесь нет? Она обязана остановить это! Ради нашей любви, ради наших детей! – король старался кричать как можно громче. Он знал, – эхо обязано подхватить его слова и придать им силу. Оно не раз спасало его. Арки в зале королевского дворца были построены таким образом, чтобы сидящий на троне мог говорить шёпотом, но его слова были бы слышны в любом углу тронного зала. Но не сегодня. Рич услышал, как заскрипели двери. В тронный зал просочился свежий воздух. Порыв ветра поглотил свет факелов, погрузив пространство во тьму. И даже лучи полуденного солнца, проникавшие сквозь плотно занавешенные шторами окна, не могли помешать силам зла властвовать среди белого дня.

– Предав одного, ты предаёшь всех! – жестокий голос любимой жены прозвучал где-то рядом. Её саму Рич не видел.

Слушай внимательно! У тебя есть ещё шанс. – Королева хотела что-то сказать мужу. Рич закрыл глаза и начал про себя молиться.

«Отец небесный ты правишь миром. Ты создал нас, чтобы мы приблизили тебя и довели мир до такого состояния, чтобы ты Творец смог в нём раскрыться во всей полноте. Для тебя задача не велика, а мне как одному из тех, кто был у твоих ног – это оказалось не посильно. Я прошу не судить меня строго за мою слабость, за мою невозможность бороться с душевными болями. Боль овладела мной. Она вытеснила душу и я не в силах просить о помощи. Я хочу отдаться ей как тебе когда-то. Может быть тогда, как и ты прежде, она даст мне силы побороть утрату и преодолеть неудачи. Прошу понимания и не более. И если ты это сможешь сделать, то я буду тебе благодарен. Одно обещаю в сердце жить с тобой и в поступках своих придерживаться заповедей твоих». Хотя Рич думал, что молиться не умеет, в этот момент ему показалось, что слова молитвы ему подсказывали ангелы. Это была их миссия. Он закончил молиться и стал ждать, что будет дальше.

Укорять мужа не было надобности. В этой ситуации королева могла его только ещё больше унижить, чего он всегда боялся, зная, что ответить не сможет.

– Обращаться к тому, кого ты даже не можешь почувствовать, – это значит предать себя? Обращаться к высшей силе, когда тебе тяжело, вдвойне предательство! – крикнула королева ему в лицо, – не то, чтобы ехидно или злобно, но властно, – это точно.

Заточён человек в оковы судьбы. Мы обязаны принять тень, как неотъемлемую часть света. Добро и зло едино, и все высшая сила магии разрушает перегородку между ними для того, чтобы вознести человека не в истине, а в её отражении. Сегодня взбираясь по узкой тропе в гору к вершине личной славы, мы больше теряем, чем находим. Это вызов страху. Победить его можно лишь при помощи мысли о нём. Не случай вытравит его в душе нашей, а знания о нём и полное понимание его может уберечь нас от разрушений, – раздавалось в тронном зале.

Рич провалился в бездну. Опускаясь словно по спирали, он почувствовал, как в глаза его всё больше попадает свет и, хотя источник не был виден, он светил все ярче. Даже излучал тепло, что так не хватало ему в последнее время.

Пометки на полях... Расставаться и ругаться – великое искусство. Это я понял сейчас. Не хватает пару листов с описанием зала. Насколько вообще важна архитектура и география в этом случае честно не знаю. Главное нужно понять, что Ева предприняла все попытки для того, чтобы не делать этого и она решилась на свержение Рича только потому, что он ей не оставил выбора. Жизнь Евы – это большой один поступок, плохой он или хороший, это уже неважно для истории, ей нужны факты и действия, а она ими переполняет чашу своего присутствия на земле. Я тут нашёл в записях ещё один диалог между ними. Явно Аниловский почерк и стиль. Здесь я его приложу полностью хотя бы потому, что решение было принято именно здесь. Я думаю, этот разговор был последней каплей перед переворотом: «Он закрыл глаза и поддался страху. Воспоминания, взяв его под руки, отвели на балкон своей спальни. Здесь они с королевой какое то время назад смотрели, как звезда святого Огня вошла в центре небосклона. Они праздновали день рождения сына, и как всегда, уже даже не ругались и не искали истину, а просто растили словесный ком всё больше разделяющий их.

– Музыка бессильна перед тем, кто отверг её, как и способна вознести любого, кто пожелает быть с нею.

– Ева! Мы живём при помощи музыки, и мы не можем её отвергать, – Рич, пытался посмотреть в глаза королеве, чтобы понять, что творится внутри её души. Тело её выдавало не только внутреннюю тревогу, но и готовность идти на бой любой ценой. Это насторожило его.

Он знал её лучше себя. На её теле не было ни одного миллиметра, что он бы не изучил своими руками и глазами. Долгая вражда ещё больше придавала желание отдаться, внутреннему хоту, хотя она не только отвергала всякую близость между ними, но с каждым годом становилась не просто чужой, но и недоступной вообще для короля. Мир менялся и становился неподвластным, мелодия пока ещё жила в замке, но король всё больше предавался тревоге.

– Рич! Не надо мне объяснять при помощи чего мы живём. Лучше давай подумаем для чего?

– Я только что говорил с посыльными. Ты хочешь услышать, что они мне рассказали?

Нет. Мне нечего делать со словами. Она взяла паузу, передохнула, может быть и подумала и продолжила. – Не несущими в себе ответа на мой вопрос: Когда?

– Никогда. Я не буду подставлять целый народ долины ради возвращения лишь одного его жителя. Это было его обычным желанием: спрятать свой страх и прикрыться им как одеялом в зимний день. – Дорогая! Я задыхаюсь от мыслей о прошлом. Я хочу открыть ворота и спокойно вздохнуть для того, чтобы увидеть наше будущее, – Рич опустился перед королевой на колени, как у алтаря много лет назад, будто снова просил её руки. Руки королевы автоматически опустились вместе с телом мужа и, впившись в его плечи, она стала говорить, оставляя место только для согласия короля, но никак не для споров.

– Ты знаешь, я раньше была уверена, что тишина всегда одинакова. Если есть разница, то только в децибелах при помощи них обычно измеряют шум. Никак ни тишину. Она же однородна. Или – есть, или её нет. Но, вдруг... после того, что с нами случилось, – я поняла, что даже в этом я глубоко заблуждалась. Я помню тот день. Когда из моих рук забрали одного из моих детей, – я умерла, а в долину пришла новая мелодия. Она дала шанс моим людям жить по-другому, и это мне придало сил, чтобы не сойти с ума сразу. Но твои обещания жили со мной, позволяя, мне дышать и надеяться на то, что он вернётся и попытается наслаждаться мелодией. Постепенно её звуки становились все призрачнее, и моё горе растворило её в воздухе, сделав безразличным мои чувства к тебе...

– Сделав безразличным мои чувства к тебе. Произнеся эти слова, Рич ужаснулся, поняв, насколько он был слеп.

Король захотел встать, но невидимая сила, шедшая от рук Евы, ещё больше приблизила его к полу. Слова королевы, словно иглы кололи всё тело, от боли напирательной изнутри, начала трещать кожа.

– Ладно, постараюсь не путаться в том, что и так запутанно. Я бы знала, как раскрутить ситуацию, если бы её создала я, или в моих силах было право принимать решение. Но меня даже не спросили, мне даже не дали никаких опций для выбора. Скажешь – «всегда есть выбор»? Да, но ни тогда, когда любишь. Иначе ты не представляешь себе жизни. Пусть она обернётся в одеяло пустоты и станет прозрачной, но будет рядом – так думала я. Самое сокровенное моё желание – был ты, мой король, муж и друг.

Королева посмотрела мужу в глаза, и он увидел в них пустоту. Если он хотел поймать еле слышные звуки её души, то ему надо было признать, – в её сердце слышна лишь музыка скорби и исполнитель её – он сам.

– Не надо ощущать её тепло на себе. Не надо её видеть. Надо просто знать, что любовь есть и ради этого стоит жить. Тишина вместо музыки стала моим спутником на долгий срок, предложив свои услуги безвозмездно при одном условии – я должна была научиться её слушать. Слушать можно только то, что слышишь. Даже сердце стучит тихо.

– Ева! Ты хочешь мне сказать, что всё это время утренняя симфония играла рядом, но не внутри тебя? Рич пытался привлечь её внимание к себе. Но она как-будто его не слышала, продолжая говорить на повышенных тонах.

– Спросишь, как я её нашла? Да, очень просто. Вот здесь. Каждое утро я чувствовала её ровное дыхание, разложенное по полочкам, по стенкам на любом выступе. Ты знаешь, за это можно зацепиться и каждая арка в этом зале давала мне эту возможность.

– Да ты не удивляйся, в спальне, на нашем ложе именно там, я услышала тишину, что меня потрясла – тишиной стал ты, смешавшись с массой звуков вокруг. Это та тишина, куда можно ткнуть пальцем и попасть в чьё-то плечо, посмотреть в глаза и увидеть завтра. Понять, что его уже не будет никогда.

– Я стала королевой тьмы в солнечной долине.

Её слова впились в Рича, как гончая собака во время охоты в свою добычу. Сердце прекратило не только подсказывать, но даже реагировать на происходящее. – Даже тишина склонила голову, передо мной сказала мне однажды: «Желаю удачи, я бессильна перед сильными!» – Хоть я и признаю свою слабость и немощность потому, что время дало мне самое сильное испытание – быть, просто быть рядом и ждать. Я выжила и вправе называться сильной, – со слезами сказала она.

Рич вспомнил, как в своих грёзах он подходил к пустой люльке, где после рождения спал его сын и говорил ему: «Я знаю, где ты и с кем ты. Сегодня день пройдёт хорошо – и я сам положу тебя в твою кроватку спать». – Спасибо Ева. Извини, но я бессилен.... Сердцу дано ошибаться и спрашивать за это не у кого. Я понимаю это дело времени, и смогу ли я повлиять на ход событий я не знаю».

Ева идёт на войну, её переход к самым границам Долины и подготовка сгорели, но не думаю, что кто-то будет это читать.

Третья глава

**1923 от начала рукописей (за 50 лет до основных событий),
4963 от нашего появления на этой планете начало лета**

*Сохраняя внутреннюю тишину,
открываешь ещё один мир.*

Много лет назад на берегу моря стоял Храм тысячи колоколов. Колокола большие и малые были отлиты лучшими мастерами долины. В сильную непогоду, когда дул ураганный ветер, звон их сливался в единую симфонию и приводил в восторг сердце каждого, кому посчастливилось его услышать. Древняя легенда гласит, что колокола продолжают непрестанно звонить; и при желании их может услышать каждый. Партитура, рождённая ансамблем колоколов, конкурировала с прибоем, – игрой волн. Не мог спокойно наслаждаться колокольным звоном только Океан. Он решил наказать колокола за красоту мелодии, и погрузил их в свои воды, опустив на самое дно. Как-то раз, эту легенду, услышал молодой король, и отправился за тысячу миль, чтобы узнать правду ли говорит легенда о колоколах в океане. Он повёл свой народ в эти земли. Поиск новых источников энергии стал причиной появления его народа в долине Дестино, берущей своё начало у океанских вод. Музыка являлась этим источником. История эта была изложена в книге Времён долины ДЕСТИНО и покоилась там одной из первых.

Дни напролёт король сидел на берегу, всматриваясь в сторону затонувшего храма, и напряжённо вслушивался в шум прибоя, пытаясь понять, чем заполнить тишину. Король старался не обращать на него никакого внимания, но безрезультатно. Казалось, океан заполнил собой весь мир.

Так продолжалось несколько долгих лет. Народ его перестал верить в легенду, и король отчаялся: я не смогу услышать колокола! Все напрасно!

Кое-кто уже предлагал ему вернуться домой. Всякий раз, когда его охватывало уныние, он обращался к мудрецам. Тогда в сердце вновь вспыхивала надежда, чтобы снова угаснуть после нескольких недель бесплодных попыток. В конце концов, король решил отказаться от своей затеи.

Мне не суждено слышать музыку колоколов, лежащего на дне океана. – Увы, это лишь красивая легенда. Прощай, Океан! – сказал юноша, взглянув на волны, и стал удаляться от берега. Звук прибоя сопровождал его, поглощая сознание. Юноша растворился в глубокой тишине. Вдруг, в этой тишине он услышал нежный звон маленького колокольчика, а за ним ещё, ещё один, и ещё, и ещё, пока тысячи уже колоколов не слилась в единую гармонию, а сердце короля затрепетало в восторженном предчувствии.

– Мой мальчик, эта легенда живёт с нами уже с первого дня, как мы пришли в долину. Король, погладив своего сына по голове, продолжил идти к трону.

– А могу ли я услышать звон колоколов, отец? Я уже нашёл свою мелодию. Я даже могу сыграть её. Может быть, пришло время, взять меня в поход? Хочешь, я тебе поиграю? Юноша, не дожидаясь ответа отца, потянулся за футляром, где хранился его инструмент.

Король громко рассмеялся и посмотрел на жену: «Элази! Дорогая! Как ты смотришь на то, чтобы наш непревзойдённый Атикин отправился со мной в поход? Играть он умеет. Ты говоришь, – он не только слушает, но и слышит звуки весны. Это говорит само за себя – наш сын повзрослел?»

– Дорогой мой Ном! Владыка земли Дестино! Кто я, чтобы перечить тебе? – в голосе Элази прозвучали нотки иронии.

– Кто ты? Моя жена и такая же королева этих земель, как и я. Он не любил, когда его только называли по имени, и Элази этим пользовалась, для того чтобы выразить своё недовольство.

– Ты прав – я королева, а ты у нас воин без цели.

Пауза в разговоре была музыкальной. Король это понял и приготовился слушать, утопив тело в тронном ложе, хотя чувствовал себя менее уверенно в нём, чем в боевом седле. Его умение отключаться от светских бесед и уходить в свой мир, – было единственным спасением на всех приёмах при дворе. Этим он стал пользоваться и при разговорах со своей женой.

– Слушать тишину, дано не каждому. Слышать её, прикоснувшись к ней всей душой, – дар свыше. Ничего нового в этом мире нет, просто на каждом этапе жизни, мы открываем то, что раньше не замечали. Говорят: открыл новую звезду! Да не открыл, – а смог разглядеть! Вот, при помощи чего вычислил, – это заслуживает большего внимания. Поэтому, в честь поистине красивой из легенд, каждый год в один и тот же день народ долины Дестино выходит на берег океана слушать музыку прибоя. В надежде услышать колокола, пытаюсь познать тишину.

Но эта была легенда. Да, это была легенда, но очень красивая. Ответив самому себе, он тихо продолжил путешествие внутри своих мыслей.

– Музыка живёт во мне, рядом со мной, далеко от меня. Она недосягаема, но уже существует. Главное, подобрать инструмент и вовремя исполнить задуманное. Вот для этого нужно научиться слушать тишину, – король замолчал, подумал, посмотрел на своего малыша. Пока тот, что-то рассказывал маме, он был свободен.

– Во время коронации, я был посвящён в тайну утренней симфонии, и её производства. Я не скрываю своей гордости. В долине Дестино правит музыка. Партитура – путеводитель по задворкам души её жителей. И сколько бы наши маги не пытались понять химию чувства внутреннего озарения (расшифровать силы генерирующие фантазии и факторы, сдерживающие их воплощение в жизнь) – сегодня это невозможно. Чувство полёта и есть власть, власть над теми – кто её лишён. И если последнее доминирует во внутреннем мире, он безграничен и не подвластен простым понятиям о жизни.

– Но я всегда побаивался этого дня: в этот день граница королевства открыта и каждый, кто хочет, может зайти в долину Дестино. Армия не охраняет её. Лет десять назад я запретил играть в этот день боевой марш, чтобы не вызывать гнев, агрессию и сострадание. Жители земель, окружавших долину Дестино, поверили моей силе. После того как я смог им доказать свою, они сложили оружие. Каждый занялся тем, что более всего было ему по душе. Почему я пошёл на этот шаг? Желание властвовать вечно? Войти в историю как самый мудрый правитель? Дать своему народу возможность жить в лучшей стране? Отдаться симфонии до конца? Вопросы без ответов, как вечные странники без цели... В зал его вернул голос сына, настойчиво чего то просящего.

– Да, мой хороший, я с тобой согласен. Ответил думая, что его ни о чём сверхъестественном не попросили.

Отец, неужели тебе плохо с нами? – принц одёрнул короля за рукав мантии, и посмотрел ему прямо в глаза.

Придёт время сынок, и ты с так называемой свитой отправишься в свой первый поход. Свиту эту величают – армия. Ты её можешь сразу определить не только по одежде, но и по барабанным дробям, что воины играют утром перед выходом в свой поход. Король протянул руки к своему любимцу и улыбнулся в надежде, что тот без слов поймёт его желание обнять его.

– Ном, думаешь, ты можешь себе позволить продолжить отлучаться от дворца? Ещё не все земли легли у твоих ног? Есть ещё моря и океаны, где не ходила твоя ладья? Смотри! Твои дети скоро перестанут узнавать тебя при встрече и начнут спрашивать: «Кто вы?». Ты же мне обещал, что остановишься. Долина Дестино нуждается в ещё большем расширении? Королева и народ хочет видеть Короля на троне во дворце каждый день, а не встречаться с ним раз в год под аркой победы.

Ном понимал, что Королева права. Но не мог себе представить жизни без боевого марша и сражений. Война придавала ему уверенности в себе. Отказаться от азарта битвы, – означало для него признать поражение. Его приказы в лучшем случае оглашались в королевстве, но подчинённые не привыкли и не спешили их не выполнять.

– Элази! Я понял в этих походах: Не обладать мелодией главное, а уметь управлять и быть сильнее тех, кто ей владеет, – вот, что важно! Сегодня у меня есть армия придворных композиторов, и они готовы создать любую музыку! В этом наша сила. Почему ты не хочешь это понять?

Слепец слепого далеко не уведёт. Новые мотивы утренней симфонии могут изменить сознание народных масс. Стоит позаботиться о том, чтобы композиторы полагались как можно больше на традиции старины.

– Не хочу то, что было. Хочу **нового**. Растягивая каждую букву, он пытался подчеркнуть главную мысль всего этого разговора.

Ты же пытаешься отойти от уставов предков. Но проблема даже не в этом. Ты забыл, что твоему народу нужна энергия для жизни. Им твоих новейших симфоний не понять! Элази говорила, не обращая внимание вообще на его ответы, ей нужно было высказаться.

Не уйти, а понять ещё глубже. Для этого и нужна война, действие. Если не мы, то нас. Довольный своим ответом, рассмеявшись, ответил Ном.

В чём смысл войны? В захвате новых земель? Никак не в поиске новых мелодий! Храм Музы был спроектирован ещё твоим прадедом. После него проект потихоньку начинали отодвигать на второй план, пока ты вообще не прекратил его строительство, отдав предпочтение инвестициям в войну. Королева пыталась заглянуть в глаза супругу. Она уже давно хотела поговорить с ним и знала, что король обладает даром убеждения, и в любую минуту может переиграть её в споре.

Король сделал вид, что поправил походный костюм, пытаясь придать важный вид, перед тем как начнёт говорить.

Самое верное решение – не принимать никакого решения. На копья моих воинов можно опираться, но на них нельзя сесть. В связи с этим, я решил завтра выступить. Но, в этот раз, я хочу взять с собой Атикина. Пусть начнёт чувствовать жизнь. Слушать новую симфонию поутру. Ном посмотрел на Элази так, что она поняла – разговор закончен. Решать будет он.

Но, в этот раз... Как вам удобно, – вы Король. Вам и решать. Ева демонстративно встала. – Походная сумка наследника будет готова уже сегодня, – кивнула королева, вытирая платком влажные глаза, направляясь к выходу. Открыв сама себе дверь, бесшумно удалилась. Но, я хотел сказать... Я хотел сказать... Ном прервал себя на-полуслове, оставшись в одиночестве в своих покоях. Ночная симфония окутывала город.

Король вернулся в тронный зал и задумался над словами Элази. Он знал, – его жена мудра и могла быть ему лучшим советником. Но, увы, она не всегда принимала его позицию по расширению земель королевства.

Слепец слепого далеко не уведёт. Повторил король. Хм... Эхо подхватило и раскидало звуки по залу королевского дворца. Музыка здесь звучала также свободно, как и в долине. Своды были высокие и прекрасная акустика. Вечерняя симфония подходила к концу, уступая время тишине. Её так не хватало королю последнее время.

Нет хороших людей и нет плохих, – в это верил Ном свято. Есть неверно выбранный путь по жизни. Что дала музыка моему народу? – размышлял король. Возможность проявлять творческие способности, или ещё один шанс жить, а не просто быть частью бездушной машины. Благодаря творчеству и я получил возможность управлять другими. Прищурившись от золотистых лучей, последних посланцев солнца, Ном отдался потоку мыслей, назойливой мухой летавших вокруг головы. – Уметь предвидеть, учиться понимать свой народ важнее, чем просто раскидываться невыполненными приказами. В бою, поразив одного противника, – ты сразу ищешь другого. – Для того, чтобы не вести вслепую народ, нужно знать больше, чем видишь (как следопыт в лесу), слышать больше, чем сыгранно и понимать глубже, чем можешь разобраться в момент сражения, – это называется власть. К ней стремились мой дед и его прадеды. Но управлять так, чтобы не потерять, можно только тогда, когда ты можешь предвидеть будущее. Поиск силы, что смогла дать мне возможность приоткрыть дверь в этот мир, привела моих прадедов в долину ДЕСТИНО. Желание неограниченной власти – вот что погубило моих предков во время поиска, если доверять книге времён. (Не доверять ей, нет причин, так как, приложил к ней руку человек не из народа). Писал её посланник из прошлого. Не имея страстия ни к кому. На страницы «книги времён» попадали те, кто, хоть что-то мог оставить истории. Наши предки не ведали о будущем, не искали его. Если и планировали, то в лучшем случае о том, как сделать совершеннее настоящее. Верили, что только кому-то, но не им пока позволено проникнуть в тайны, в связи с этим изменить его, – даже не пытались.

Они были счастливее хотя бы потому, что не спорили о будущем, не думали о времени вообще. Смотрели на солнце для того, чтобы узнать, когда на небе появятся звёзды и предаться мечтам о мире, потакая своим желаниям, постоянно открывая что-то новое.

Каждый являлся вселенной и хозяином своих миров. Единственная реальность была – сознание. Когда это понял прадед моих прадедов, он стал королём, пойдя на сделку с Чёрным магом. Первым делом, поменяв строки писания: «Жизнь протопчет себе тропинку в чаще леса, зовущегося Судьба, желает того или не желает это нечто, поселяющееся с рождения в нас и называемое „я“»

Пометки на полях... Забрать жизнь, – это не самое худшее, что может сделать война. В этом мы убедимся дальше. Ном был воин. В одном из походов он и погиб, с ним был Атикин. Что там было, надо искать среди участников сражения, но принц после гибели отца стал совершенно другой. Забегая немного вперёд, я просто хочу сказать, что «Шар Симфонии» это не просто очередной артефакт, придуманный нами, а это был вынужденный шаг с нашей стороны. То, что сгорели все его описания, это восстанавливается. Вот, то, что никто из героев не смог им воспользоваться до конца, Анила очень насторожило уже во время эксперимента.

Четвёртая глава

1933 от начала рукописей(40 лет до основных событий), 5973 от нашего появления на этой планете Конец лета

На основе самого открытого и доступного, познаем скрытое.

Все мы, чьи-то ученики и нет того, кому хоть раз в жизни не указывали. У всех нас всегда был учитель или просто кто-то, кто нас наставлял. Так построен мир в нём всегда были старшие и младшие, слабые и сильнее и никто до этого момента не задумывался, есть ли возможность это изменить в нашем мире. Да и зачем менять направление течения реки, если от этого могут рухнуть берега. Или пытаться создать точную копию при помощи карандаша, если это изначально невозможно. Нельзя даже в зеркале увидеть отражение, полностью повторяющее стоящего напротив – так говорили мудрецы, а маги трактовали это по-своему – нет колдовства похожего одного на другое, так как даже они тоже разные. Само заклинание это всего лишь слова, сила их – это от кого исходит, проявление – в кого попадает.

Анил, как и все другие маги долины, должен был каждого с королевской семьи, кто хотел войти в храм музыки и прикоснуться к «Шару Симфонии» наставлять. Он всегда говорил – «Музыку нельзя увидеть, услышать, прикоснуться к ней до того момента пока ты её не почувствуешь». Вот это состояние и должен был передать первый раз Маг Долины ДЕСТИНО в своём напутствии перед восхождением туда. Не слушать музыку, а слышать, – вот в чём было различие между избранными в этой долине по отношению к другим.

Утром в походной одежде Атикин стоял рядом с покрытой лесом горой, где на вершине был построен Храм. Он был возведён так давно, что никто даже не задумывался, сколько ему лет. Ещё до прихода сюда его предков, вокруг горы строились первые поселения. Со временем они переросли в настоящие города. Но уже тогда говорили, что на вершине горы жили Маги. Они управляют долиной, и подниматься из-за этого на вершину никто из жителей селений не решался. Этого ни кто не опровергал, так как поверье лучше всего защищало Храм от случайного путника.

Стоя у подножия, принц вспомнил напутствие Анилы – «Как и у любого места есть четыре направления, – так и у этой горы, – есть четыре тропы для восхождения. Как ветер гуляет по четырём странам, также и у храма есть четыре входа. Как любой год в твоей жизни играет с четырьмя сезонами, также и тебе придётся выбирать между силами четырёх стихий». Подняться Атикин должен был самостоятельно, – в этом заключался весь смысл. Дорогу к Храму должно было указать сердце. Принц знал, что он не просто ищет сейчас тропу вверх, а выбирает дорогу в жизнь. Прикоснувшись на расстоянии к «Шару Симфонии» он сможет считать себя ступившим на путь познания самого закрытого в долине знания о Музыка. Оно ему сейчас нужно было как воздух. Потом, только потом он сможет познать главное, – это не сама форма создания музыки, а её гармония, чьим невидимым правилам она подчиняется.

Атикин тихо приклонил голову. Напутствие мага придавало ему силу. Но его не хватало для принятия главного решения. «Ещё один мир всегда находится около тебя. Существует рядом ещё один ответ. Нужно просто уметь всматриваться и вслушиваться» – прошептал ему Маг издалека. Подняв эти слова в его памяти острым мечом для дальнейшего сражения.

Приподнявшись на несколько метров и ощутив себя стоявшим на пригорке, откуда был виден горизонт, – Атикин обернулся назад, но ничего не увидел кроме тумана. Не понятно, откуда он явился! – он пытался не думать ни о чём, кроме того, что ему предстояло.

Тропа, что выбрал он сам, раскрывалась перед ним, маня вперёд. По пути он припомнил слова книги времён – «Любая мысль о прошлых дорогах, закрывает возможность найти новую».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.